

лярію Московскаго генераль-губернатора, куда проникнуть по неслучайнымъ условіямъ намъ не удалось, несмотря на ходатайства нѣкоторыхъ авторитетныхъ лицъ. Между тѣмъ здѣсь-то, именно, мы и должны искать отвѣта на вопросъ о судьбѣ денегъ и здѣсь-то, можетъ быть, мы нашли бы хотя остатки цѣнныхъ рукописныхъ матеріаловъ изъ архива Комитета, такъ какъ почти весь архивъ постигла, какъ увидимъ, самая печальная судьба.

Послѣ разгрома Комитета архивъ его удалось взять для сохраненія секретарю—славянину, фамилію котораго пока не удалось установить съ несомнѣнностью. Но судьба какъ будто совершенно отвернулась отъ Комитета. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ закрытія послѣдняго; въ домѣ, гдѣ была квартира секретаря, вспыхнулъ сильный пожаръ, которымъ весь архивъ былъ уничтоженъ. Это событіе такъ потрясающе подѣйствовало на ближайшаго сотрудника Комитета, который поставилъ цѣлью своей жизни сохранить уцѣлѣвшее достояніе, что онъ лишился разсудка и въ такомъ состояніи вскорѣ умеръ.

Что же въ настоящее время имѣемъ мы въ несомнѣнной наличности отъ достоянія Комитета? Имѣемъ мы остатки библіотеки, хранящейся въ помѣщеніи библіотеки Московскаго Университета, и еще портретъ предсѣдателя, Ивана Сергѣевича Аксакова, хранящійся въ квартирѣ предсѣдателя вновь образовавшагося значительно познѣе уже чисто Благотворительнаго Общества, Общества, въ работахъ котораго дѣятельное участіе в первый моментъ только что закончившейся войны принималъ извѣстный славянскій дѣятель, сербскій архимандритъ Михаилъ.

Таковы отдѣльныя страницы жизни и судьбы одного изъ характерныхъ учрежденій русской жизни, мимо котораго не пройдетъ внимательный изслѣдователь русской общественности XIX вѣка.

Александръ Георгіевскій.

С. М. Широкогоровъ.

О П Ы Т Ъ изслѣдованія основъ шаманства у Тунгусовъ.

Нѣкоторые замѣтки историко-филологическаго факультета в г. Владивостокѣ.
Том I. 1919 г.
под редакціей С. М. Широкогорова

Владивосток
Типографія Областной Земельной Управы

1919

Предисловіе.

Настоящій „Опытъ“ въ основныхъ своихъ чертахъ былъ мною задуманъ по окончаніи изслѣдованій въ Забайкальѣ, въ Амурской области и въ Сѣверной Манджуріи, включая въ послѣднюю Хулунбуирскій округъ Монголіи. Чѣмъ болѣе расширялись мои наблюденія въ области шаманства, религіи и общаго міросозерцанія, чѣмъ больше параллелей получалось мною на различныхъ тунгусскихъ народностяхъ, тѣмъ яснѣе становилось, что шаманство тунгусовъ нельзя разсматривать какъ *религію*, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ становилось очевиднымъ и то, что шамановъ нельзя разсматривать, какъ фокусниковъ и плутовъ или какъ нервнобоныхъ людей, порождающихъ въ болѣзненномъ состояніи свое ученіе. Шаманство, въ той формѣ, какъ это наблюдается теперь, судя по нѣкоторымъ даннымъ, отнюдь не является древнѣйшимъ явленіемъ и у нѣкоторыхъ тунгусовъ, по утверженію ихъ самихъ, оно съ трудомъ насчитываетъ 2—3 столѣтія. Нѣсколько старше шаманство, видимо, у манджуровъ, но едва ли приходится особенно старить его; такъ какъ оно носитъ на себѣ слишкомъ много чертъ заимствованія и современности, а самими манджурами начало его относится ко времени Минской Династіи (XIV—XVII в.в.) въ Китаѣ. Наконецъ, рядъ данныхъ указываетъ на то, что у монголовъ шаманство существовало еще во времена Чингизъ-хана и уже тогда ламаизмъ началъ съ нимъ борьбу, которая теперь заканчивается не въ пользу шаманства. Въ наиболѣе развитомъ видѣ шаманство встрѣчается у тунгусскихъ народностей, гдѣ оно нынѣ наблюдается въ полномъ своемъ расцвѣтѣ. Значительное разнообразіе системъ шаманства у тунгусовъ, неустойчивость формъ его, распространенность и всеобщее признаніе говорятъ за то, что это явленіе сравнительно молодое и находится въ состояніи бурнаго развитія.

Имѣющіяся у меня собственныя наблюденія по шаманству тунгусовъ вообще, а въ частности манджуровъ настолько велики, что исчерпывающая обработка и изданіе ихъ въ настоящее время невозможны; препятствіемъ къ этому служитъ также и отсутствіе подъ руками необходимыхъ книгъ.

Для настоящего „Опыта“ я воспользовался лишь частью, и притомъ менѣе значительной, наблюдений, произведшихся мною въ 1912—1917 г.г., во время посѣщеній мною тунгусскихъ народностей, включая сюда, какъ это принято, и манджуровъ. Изъ числа основныхъ вопросовъ шаманства я первоначально предполагалъ коснуться лишь одного, а именно вопроса о значеніи шаманства для рода, но при выполнении этой задачи оказалось необходимымъ попутно обратиться и къ другимъ основнымъ вопросамъ шаманства и такимъ образомъ ранѣе предполагавшуюся статью развить въ нѣчто болѣе обширное, чему я далъ громкое названіе „Опыта изслѣдованія основъ шаманства у тунгусовъ“. Настоящій „Опытъ“ не претендуетъ на то, чтобы быть законченнымъ изслѣдованіемъ шаманства тунгусовъ, вопроса крайне сложнаго и до сихъ поръ еще недостаточно освѣщеннаго изслѣдованіями. Наблюденіе шаманства отъ изслѣдователя требуетъ прежде всего знанія языка изслѣдуемой народности, безъ чего наблюденія могутъ быть только частичными и къ тому же плохо истолкованными переводчиками. Число изслѣдователей, знающихъ тунгусскій языкъ, настолько ограничено, что возлагать надежды на дополнительные наблюденія въ ближайшее время, особенно въ условіяхъ современнаго положенія науки, едва ли основательно. Между тѣмъ рядъ основныхъ вопросовъ, какъ кажется мнѣ, возможно возбудить уже теперь и это быть можетъ послужить толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, а критика «Опыта» облегчитъ мой трудъ по обработкѣ уже имѣющихся у меня наблюдений.

Пользованіе только тѣми немногочисленными изданіями и трудами, которые имѣются здѣсь, неминуемо привело бы меня къ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ и пропускамъ, во избѣжаніе чего, я совершенно отказался отъ использованія имѣющейся литературы, быть можетъ лишивъ тѣмъ самымъ предлагаемый «Опытъ» обычной для подобныхъ работъ системы изложенія предмета.

Отсутствіе книгъ мнѣ не позволило также сдѣлать необходимыя параллели и распространить нѣкоторые выводы за предѣлы тунгусскихъ народностей; между тѣмъ большая часть вопросовъ, которыхъ касается «Опытъ», конечно, имѣетъ болѣе общее значеніе и положенія, изложенныя въ заключеніи, вѣроятно, найдутъ себѣ приложеніе и по отношенію къ другимъ народностямъ. Развитие нѣкоторыхъ сто-

ронъ шаманства за счетъ другихъ, расширеніе сферы дѣятельности шамана за предѣлы рода или замѣщеніе рода определенной территоріей и другія частныя отличія, вѣроятно, будутъ характеризовать шаманство другихъ народностей.

Въ дальнѣйшемъ мною предполагается обратиться къ обработкѣ и опубликованію *всѣхъ* собранныхъ мною лично данныхъ, касающихся шаманства у тунгусовъ и особо шаманства манджуровъ, а также при свѣтѣ намѣченныхъ положеній рассмотреть шаманство и аналогичныя ему явленія у другихъ народностей, чтобы, по корректированіи полученныхъ на тунгусскомъ матеріалѣ выводовъ, сдѣлать эти выводы болѣе общими. Эта послѣдняя заключительная работа потребуетъ спеціальнаго анализа близкихъ шаманству явленій, свойственныхъ другимъ народностямъ, и болѣе основаннаго развитія вопросовъ психологіи и психопатологіи шаманства. Въ настоящемъ же „Опытѣ“, преслѣдуя болѣе скромную цѣль, я ограничился лишь нѣкоторыми вопросами, опуская совершенно вопросы второстепеннаго значенія, а также и все то, что при вынужденно краткомъ, схематическомъ изложеніи, безъ необходимыхъ литературныхъ подтвержденій, по несовершенству своему окажется внѣ критики.

Техническія условія работы и изданія, къ сожалѣнію, лишили меня возможности болѣе тщательно прокорректировать и отдѣлать внѣшнюю сторону предлагаемаго „Опыта“, а также снабдить его нѣкоторыми иллюстраціями и пояснительными чертежами.

Г. Владивостокъ.
Октябрь 1919 г.

Авторъ.

I. В в е д е н и е.

Терминъ *шаманъ* заимствованъ отъ *саман* тунгусскихъ языковъ.¹⁾ Среди большинства тунгусскихъ народностей этотъ терминъ употребляется въ одномъ, всѣмъ извѣстномъ, смыслѣ и только у манджуровъ онъ, наряду съ обычнымъ значеніемъ, служитъ также для опредѣленія лицъ, исполняющихъ обязанности родовыхъ жрецовъ, въ которыхъ духи не входятъ и которые распорядителями этихъ духовъ не являются.

Идея шамановъ вполне мирится съ любой системой вѣрованій въ духовъ, такъ какъ для возможности существованія ея необходима только вѣра въ то, что есть люди, способные воспринимать, вселять въ себя произвольно духовъ, входящихъ черезъ такое посредство въ особое общеніе съ людьми. Поэтому идея шамановъ и шаманства подъ разными названіями и формами можетъ получить признаніе и распространеніе среди самыхъ различныхъ въ культурномъ отношеніи народностей. Въ развитіи идеи шамановъ и шаманства можно наблюдать различныя стадіи и формы и нѣкоторыя явленія, напри- мѣръ, въ русскомъ сектанствѣ, въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ религіозныхъ мистическихъ теченіяхъ, должны разсматриваться, какъ результатъ развитія чисто шаманистскихъ идей.

Чтобы ограничить понятіе шаманъ и шаманство, я позволю себѣ ввести въ это понятіе, какъ ограниченіе, слѣдующій признакъ, а именно: 1) всеобщее признаніе шамановъ таковыми и усвоеніе ими особаго социальнаго положенія и 2) наличность установленнаго ритуала дѣйствій, костюма и другихъ принадлежностей.²⁾

Какъ только идея шаманства получаетъ признаніе даннымъ народомъ, задачей послѣдняго дѣлается примѣненіе новой идеи съ другими идеями, получившими уже признаніе ранѣе. Поэтому и шаманство и комплексъ имѣвшихся раньше идей взаимно приспособляются другъ къ другу, а такъ какъ шаманство въ основѣ своей имѣетъ признаніе духовъ, могущихъ вселяться въ шамана, то обогащеніе списка уже извѣстныхъ духовъ есть естественный процессъ развитія шаманства и всюду, гдѣ оно есть, можно наблюдать заимствованія отдѣльныхъ духовъ, даже цѣлыхъ группъ ихъ и обогащеніе ими уже имѣющихся системъ духовъ. Поэтому шаманскія системы духовъ, на-

¹⁾ Кромѣ этого въ тунгусскихъ языкахъ имѣется еще рядъ другихъ терминовъ: въ другихъ языкахъ терминъ шаманъ, саманъ неизвѣстенъ. Такъ какъ выясненіе происхожденія термина саман тунгусскихъ языковъ не входитъ въ настоящую мою задачу, я ограничусь только замѣчаніемъ, что этотъ терминъ, вѣроятно, не тунгусскаго происхожденія.

²⁾ У нѣкоторыхъ народностей шаманскій костюмъ въ настоящее время утерянъ, главнѣйшій образъ, подѣляемый преслѣдованіемъ со стороны или государственныхъ властей или представителей господствующихъ религій, какъ христіанство, ламанизмъ, конфуціанство. Такъ, напри- мѣръ, въ настоящее время манджуры шаманскій костюмъ теряютъ, а буряты его частью уже утѣрили. Замѣчу, что отсутствіе шаманскаго костюма, вслѣдствіе недавней утери, конечно, не можетъ служить основаніемъ къ отказу признать наличіе шамановъ.

ходящиеся под влиянием буддизма, даосизма, христианства и др. религий, подвержены изменениям, а по мере движения времени, взаимного знакомства народов друг с другом и изучения этнографии число известных систем непрерывно возрастает.

Знание духов для шаманов и шаманистов, т. е. людей вращающихся в шаманов, также важно, как может быть важно, например, для врача знание всех существующих болезней, так как знание духов дает возможность шаману вести с ними борьбу или направлять их энергию в желательную для себя и своих клиентов сторону. Вследствие этого, распространение познаний о духах происходит особенно интенсивно и на духов может существовать, как это наблюдается, быстро проходящая мода.

Вследствие этого системы духов не могут обладать той устойчивостью, какую обладают, например, представления о специальных духах предков, представления, из которых другие народы нового могут мало прибавить. Системы духов могут слагаться из различных элементов и быть весьма разнообразными, детальное же изучение самих систем для этнографа представляет тот интерес, какой может представлять изучение сложных комплексов этнографических явлений, особенно в их географическом распространении. У шаманства же вне зависимости от систем духов, принятых у различных народностей, остаются общими лишь два указанных момента, которые и образуют шаманство, как этнографическое явление.

Под шаманством, таким образом, я не буду понимать мирозерцание народа, вбравания его в целом, представление о мире и т. под., так как оно может мириться почти с любым мирозерцанием, любыми вбраваниями и культом, если таковые в сознании народа уживаются с основными положениями шаманства, — вброй в духов, входящих в человека и особых людей, могущих произвольно их вселять в себя, признанием за такими людьми особого социального положения, наличием установленных ритуала, костюма и других принадлежностей шаманского действия¹⁾.

Тем не менее при изложении теории и практики шаманства у отдельных народов мирозерцание народа нельзя обойти молча, так как примирение шаманства с общим мирозерцанием есть один из важнейших моментов в создании шаманской системы и обойти его молчанием невозможно. Поэтому при изложении мне придется обращаться и к вопросам мирозерцания.

Каковы же задачи шамана? Шаман стремится направить деятельность духов, находящихся в его распоряжении в сторону желательную для себя и людей, обращающихся к нему за помощью. Пользуясь подчиненными ему духами, шаман входит в сношения с духами ему неподчиненными и то ведет с ними борьбу, то стремится сблизить их своим орудием и даже помощниками в своем деле. Духи, причиняющие людям заблуждения, мешающие успешному охотничьему промыслу, препятствующие душам покойни-

¹⁾ Ритуал, костюм и т. п. могут, конечно, тоже быстро изменяться, но изменения их происходят несколько медленнее, тем же изменения систем духов.

ков достигнуть мира мертвых и т. п. являются, главным образом, теми, с кем приходится вести борьбу шаману. Кроме того шаман избавляет людей от возможных безпокойств, принимая под свое наблюдение и покровительство специальных шаманских духов, которые, оставаясь без шамана — хозяина, могут приносить зло людям, что случается также и в тех случаях, когда эти духи находятся в распоряжении несмышленого или нелюбимого духами шамана. Таким образом шаману принадлежит важная общественная роль врача и помощника людей во всех тех случаях, где необходимо воздействие на духов более сложным способом (не простое кормление духов жертвой), а так как таких случаев, где помощь шамана необходима, в жизни шаманистов бывает много, то шаман вызывает необходимым вообще и это вызывает у них стремление поддерживать шаманов, а иногда даже и предоставлять некоторое материальное обеспечение им для большего облегчения возможности вести сложную, ответственную и опасную деятельность по умиротворению и направлению деятельности духов в желательную людям сторону.

Не касаясь причин возникновения представления о существовании духов — вопроса прекрасно разработанного в этнографии начиная со времени появления классических трудов Леббока, Спенсера, Тейлора и др. — я только замечу, что теория признающая существование духов — буду продолжать, за недостатком других терминов, называть ее анимизмом — до сих пор имеем универсальное распространение и корни ее настолько глубоки, что ни религиозные системы, отрицающие существование самостоятельных духов, ни науки, ницующие объяснение познаваемых человеком явлений с формальной точки зрения иными путями, сами еще не вполне свободны от этой теории и ведя борьбу с нею как с заблуждением в доказательствах своих этого они прибегают к той же схеме, опирающейся лишь на другую „систему“ духов, норм и законов.¹⁾

Не удивительно также и то, что разновидности и следствия анимизма в виде, хотя бы грубого оккультизма, кликушества, способности „говорить на разных языках“ некоторых сектантов, отчасти хлыстовщина и др. явления находят себе аналогичные шаманским объяснения. Универсальное же распространение этих идей указывает нам на то, что анимизм есть одна из стадий, еще не изжитых, развития нашего мышления, мирозерцания и самоосознания.²⁾

¹⁾ Если высшие религии в основе своей и отрицают существование таких духов, с которыми приходится вести борьбу шаману, то они, все-таки, признают ряд высших существ или норм. Наука, признавая законы, наличие этих законов, в сознании научно мыслящих людей замещает духов шаманиста созданными ею законами, являющимися таким же созданием классификации последовательно познаваемых явлений, как и духи шаманиста. Как духи анимиста, так и законы науки есть лишь способы объяснения явлений, познаваемых человеком, и разница между ними сводится к количественной разнице зафиксированных сознанием познавательного процесса. Таким образом анимизм, высшие религии и наука являются лишь стадиями развития мышления, рассматривающего мир, не как восприятие познания человека, но как объективно существующий и независящий от человека категорию.

Если принято основное положение—существование духовъ, то остается лишь открыть свойства этихъ духовъ, изучить ихъ особенности, отношеніе къ человѣку и установить ихъ происхождение. Отсюда рождаются сложныя анимистическія теоріи, дающія большое количество варіацій, въ зависимости отъ знакомства народовъ съ теоріями своихъ сосѣдей.

Каковы же свойства духовъ интересующихъ насъ тунгусскихъ народностей? Здѣсь я дамъ лишь краткій, схематическій отвѣтъ, такъ какъ только детальное перечисленіе *всѣхъ духовъ* и описаніе ихъ могутъ исчерпать поставленный вопросъ, а это выходитъ за предѣлы поставленной задачи.

Духи безплотны, они невидимы, но могутъ присутствіемъ своимъ воздѣйствовать и притомъ самымъ различнымъ образомъ на физическія тѣла и могутъ производить звуки, шумъ: они обладаютъ всѣми психическими и умственными способностями, какими обладаетъ человѣкъ, включая сюда ощущеніе температуры, голода, волненія, страха, злости, благодарности и т. д. Такимъ образомъ духу свойственно все то, что свойственно человѣку и отличіе его отъ человѣка сводится къ тому, что онъ не можетъ быть осознанъ человѣкомъ непосредственно при помощи зрѣнія, осязанія, обонянія и вкуса.

Духъ можетъ вселяться и быть вселяемъ въ любое физическое тѣло и путемъ физическихъ и нравственныхъ воздѣйствій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть удаленъ изъ своего вмѣстителя. Путь вселенія и удаленія духа есть одинъ изъ способовъ, дающихъ возможность человѣку войти съ духомъ въ непосредственныя сношенія. Отсюда объясняется существованіе идоловъ, изображеній духовъ, символическихъ предметовъ и т. п., которыми человѣкъ пользуется какъ вмѣстителями удобными и пріятными духу, ему извѣстными и для него специально предназначенными. По удачному выраженію одного *ивынки*¹, *идолы, изображенія и т. п., такъ называемые, священныя предѣлы* есть „сидѣнне духа, которое человѣкъ долженъ приготовить не только духу, но и своему гостю“, если хочетъ, чтобы гость былъ въ состояніи вести разговоръ съ хозяиномъ, сѣлъ, именно, у него, хозяина, и былъ имъ почтенъ.

Физическія тѣла духъ воспринимаетъ не физически, но воспринимаетъ *духовную сущность* этихъ тѣлъ, почему жертвы, приносимыя въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, особенно крови, красивыхъ вещей и т. п. остаются послѣ жертвоприношенія и, слѣдовательно, воспріятія ихъ духами, неуничтоженными.

Тѣла же, издающія ароматы и запахи вообще, духами усваиваются безпреткновенно и легко.

Отсюда явствуетъ, между прочимъ, что всѣ тѣла, помимо своей тѣлесной, физической сущности обладаютъ также сущностью безтѣлесной, родственной по своей конструкціи духамъ и опредѣляемой нѣкоторыми этнографами, какъ *душа вещей*.

Поломка вещей, которая кладется въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ, можетъ быть истолковано, какъ желаніе высвободить изъ

¹ Народности, говорящія на тунгусскихъ языкахъ дѣлятся на двѣ группы сѣверную,—ивынки, и южную,—манджуръ и примыкающія къ нимъ племена. Ивынки есть самоназваніе народностей, входящихъ въ сѣверную группу.

физическаго тѣла нѣкоторую духовную сущность, заключающуюся въ физическомъ веществѣ тѣла, въ его физической цѣлостности и значеніи. Дѣйствительно, если тѣло, будучи сломано, физически потеряло свое прежнее значеніе и въ прежнемъ видѣ болѣе существовать не можетъ, то это прежнее значеніе—его духовная сущность—какъ бы высвобождается вмѣстѣ съ потерей прежняго физическаго вида и назначенія и, такимъ образомъ, можетъ слѣдовать за душою умершаго человѣка.

Дѣленіе духовъ на злыхъ и добрыхъ, по отношенію тунгусскихъ народностей, конечно, неправильно и есть разсужденіе по аналогіи съ такими религіями, какъ религія древнихъ персовъ, христіанство и др. Каждый духъ, если онъ со всѣми или частью своихъ атрибутовъ не заимствованъ изъ высшихъ религій, можетъ быть въ равной степени благотѣльнымъ и вреднымъ для даннаго человѣка и будучи благотѣльнымъ для одного быть вреднымъ для другого,—все зависитъ отъ того можетъ ли данный человѣкъ войти съ этимъ духомъ въ желательныя для него отношенія. Но такъ какъ рядъ духовъ, хотя бы по незнанію, ускользаетъ отъ вліянія человѣка, то послѣдній постоянно оказывается окруженнымъ сонмомъ духовъ, неожиданныя дѣйствія которыхъ приводятъ человѣка въ состояніе безпокойства за всякія возможности имъ непредвидѣнныя.

Весьма возможно, что именно это и дѣлаетъ анимиста легко подверженнымъ страху и безстрашію.

Правда, анимистическая теорія признаетъ существованіе духовъ специализированныхъ,—преимущественно благотѣльных, преимущественно нейтральныхъ и преимущественно вредныхъ,—но духи всѣхъ категорій для человѣка, въ зависимости отъ умѣнья и ловкости его, могутъ быть одинаково благотѣльными.

Сонмъ духовъ, существуя независимо отъ человѣка и имѣя свои собственныя желанія, можетъ воздѣйствовать на жизнь и дѣятельность человѣка. Если человѣку удастся заручиться расположеніемъ къ себѣ духовъ, то, конечно, онъ съ ихъ стороны, можетъ найти содѣйствіе въ своихъ дѣлахъ, если же ему это не удастся, то духи остаются либо нейтральными, либо вредоносными. Они обладаютъ различными качествами и особенностями, измѣненіе которыхъ отъ человѣка не зависитъ. Такъ напримѣръ, извѣстны духи тайги, отъ дѣйствія которыхъ въ сильной степени зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ въ охотѣ, спеціальныя духи, руководящіе человѣкомъ во время охоты, духи предковъ, могущіе способствовать или мѣшать человѣку въ его начинаніяхъ, наконецъ большая группа духовъ спеціально шаманскихъ, находящихся въ распоряженіи шамана и подъ его руководствомъ. Но кромѣ того есть духи, причиняющіе человѣку болѣзни путемъ вселенія въ него или путемъ предоставленія такой возможности другимъ духамъ. Послѣдняя категорія духовъ особенно велика количественно.

Если мы установили, что по природѣ своей духи независимы отъ человѣка, но въ то же самое время распространяютъ свою дѣятельность на него, то задаемъ человѣка является воздѣйствіе на духовъ въ желательномъ для него направленіи и это воздѣйствіе оказывается однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ облегченія тяжелой

жизни человека в этом мире, от знания же способов воздействия и качеств духов зависит, следовательно, успешность самих воздействий и спокойное существование человека. Природа духов, как было видно, по конструкции своей вполне совпадает с природою души человека. Поэтому и способы воздействия на духов подобны тем, которые употребляются по отношению к человеку.

Если человек, получив некоторое удовольствие, бывает благодарен тому, кто доставляет ему это удовольствие, то и расположение духов может быть приобретено таким же способом. Например, вкусные яства человеку приятны, а поэтому жертвоприношения духам вкусных яств есть способ воздействия к тому же является одним из самых легких и доступных.

Если человек может быть переубежден умными доводами, то и дух может быть также ими переубежден, а потому обращения человека к духам с словами убеждения и просьбами также являются одним из способов воздействия.

Точно также на духов действуют угрозы, обещания угроз и карь и т. п. Поэтому эти приемы, как и другие, могут быть способом воздействия.

Понятно также, что в некоторых случаях возможно действовать на духа и обманом, если есть надежды на то, что обманутый не обратится против человека и не будет ему мстить. — поймет ли выгоду для самого себя обмана или не будет в состоянии, хотя бы временно, причинять вред.

Одним из способов обезвреживания духов является также возбуждение вражды между духами, нейтрализация их вредной для человека деятельности путем натравливания одних духов против других.

Между духами, как и между людьми, существует соревнование и борьба, чем, при знании этих взаимоотношений духов, человек пользуется в своих интересах. На играх этими взаимоотношениями духов основан целый ряд способов предотвращения вредных для человека действий духов.

Из этого перечня способов воздействия на духов видно, что таковых может быть весьма много и выбор их зависит от человека. При знании же привычек, склонностей и особенностей духов для человека открывается возможность регулирования деятельности духов и даже управления ими.

Отсюда происходят периодические жертвоприношения, например, родовым и другим духам и поддержание при помощи этого их постоянно благосклонного отношения к роду. Там же были преследуют постоянное оказание внимания и почтения духам, периодическое угощение шаманских духов, угощение высших духов неба, земли и т. п. Путем привлечения духов в специальные вмесстилища можно оставлять духов, так сказать, постоянно на виду, и тогда задачей человека является удержание их, словом убеждения и угощением во вмесстилищах и охрана последних от попыток со стороны других духов захватить вмесстилища им не предназначенные.

Желательные для человека акты духов вызываются человеком путем символизации действий аналогичных желаемым. Так, свист человека понимается духом, как желание человека вызвать ветер

или привлечь внимание духа, выливание воды и побрызгивание ею понимается духом, как желание человека вызвать дождь и т. д. Эти действия являются таким образом не действием *similia similibus*, как это понимается некоторыми этнографами, а, вернее, способом сношений, символической передачей мыслей человека духам, легче понимающим, ввиду своих отличий от человека, эти символы, чем обычный способ сношения людей. Поэтому в ритуалы и обращения к духам символам отведено весьма значительное место. Но и в том случае, когда человеку необходимо войти в борьбу с духом или человеком (его духом, душой), могут быть действия с внешней стороны напоминающая ту символику, о которой только что было сказано. Так например, иногда делается изображение человека или духа из какого-либо непрочного материала и в это изображение производится выстрел или изображению причиняется вообще тот или иной вред или обидное действие. В этом случае действия человека нужно понимать следующим образом: во вмесстилище (изображение) вмещается путем хитрости, обещаний, угощений и т. п. дух или душа человека, а действие, направленное против вмещаемого в изображение духа или души человека, приносит вред или обиду самому духу или душе человека, их особой сущности. Поэтому иногда оказывается возможным, особенно для людей умных, причинить вред человеку или духу, именно, таким способом. Но это уже, конечно, не символика, а реальное с точки зрения анимиста, действие.

Все указанные способы, как видно, суть способы предупреждающие и регулирующие деятельность духов, находящихся в подчинении человеку и преимущественно вне его. Что же происходит, если дух вмещается в человека?

В случае, если изгнание духа путем насилия или убеждения увенчивается успехом, то вопрос прост, но если этого достигнуть невозможно, то могут быть два выхода, — во первых, человек подчиняется духам, во вторых, человек подчиняет духов себя и делает их своим орудием.

Есть люди, которые обладают свойством принимать в себя духов. Духи вселяются в человека точно также, как они вселяются в предметы, но вселившись в человека, они начинают воздействовать на него. В том случае, если дух вселился в человека тогда, когда душа человека отсутствовала из тела, то тело человека оказывается в полном распоряжении духа и человек оказывается духу подчиненным абсолютно, но могут быть случаи, случаи некоторых заболеваний, когда дух уживается в теле человека вместе с душою его (духом его). В этом случае, конечно, может происходить борьба между ними и дух может быть либо победен (выздоровление), либо остается победителем и душа человека (дух человека) может даже оставить тело совершенно. Под последнюю категорию случаев подходят все длительные психические заболевания, оканчивающиеся смертью больного. В случае, если душа человека остается в теле его, то может произойти подчинение ей духу лишь относительное и человек, сохраняя вполне свою нормальность (психически здоров), оказывается орудием

духа (необъяснимые, аморальные поступки, припадочность и т. п. постоянныя и періодическія явленія).

Способностью воспринимать въ себя духовъ обладаютъ почти всѣ люди, но остается еще категория людей, которые могутъ не только воспринимать въ себя, но и подчинять себѣ духовъ, свободно распоряжаясь ими, и при помощи этихъ духовъ могутъ даже произвольно отпускать изъ своего тѣла свою собственную душу (духъ). Это и есть шаманы. На подчиненіи духовъ человѣку, собственно, и основано шаманство.

II. Главнѣйшіе духи тунгусовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какими способами люди овладѣваютъ духами и какимъ образомъ они дѣлаются шаманами, я перейду къ описанію различныхъ духовъ, съ которыми людямъ, и шаману въ частности, приходится имѣть дѣло. При классификаціи духовъ мнѣ придется опустить большую часть объясненій, относящихся къ установленію происхожденія, эволюціи и взаимныхъ отношеній духовъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы настоящаго „Опыта“ и къ подробному описанію я буду обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для ясности изложенія самихъ основъ шаманства.

Всѣ духи могутъ быть раздѣлены на группы. Во первыхъ, можно группировать ихъ по признаку непосредственнаго отношенія къ человѣку,—вселяются духи или нѣтъ. Во вторыхъ, можно группировать ихъ по происхожденію,—свои собственные духи и духи ивроднаго происхожденія. Въ третьихъ, духи могутъ быть группированы по признаку полезности и вредности для человѣка,—благонесущіе, вреднесущіе и нейтральные духи.

Дать полный списокъ духовъ извѣстныхъ мнѣ народностей не представляетъ интереса, поэтому я, группируя духовъ по всѣмъ тремъ признакамъ, останавлиюсь лишь на наиболѣе типичныхъ духахъ, относя детальное перечисленіе и описаніе ихъ въ мою будущую работу по этнографіи тунгусскихъ народностей, гдѣ я останавлиюсь болѣе подробно на вопросѣ о міросозерцаніи, шаманствѣ и прочихъ явленіяхъ, послужившихъ мнѣ предметомъ наблюденій.

I. **Буга.** У всѣхъ тунгусовъ, кромѣ манджуровъ, есть представление объ единомъ вѣчномъ существѣ, которое всюду и вѣчно пребываетъ и носитъ названіе фонетически близкое къ *буга*. Тѣмъ же терминомъ тунгусы опредѣляютъ и весь міръ, съ включеніемъ земли, воды, неба и всего вообще существующаго. *Буга* не вмѣшивается въ дѣла людей, но является творцомъ и распредѣлителемъ всего существующаго и обращаются къ нему въ весьма рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, раздѣленіе родовъ и т. п. Представленія о немъ физическаго не имѣется и онъ не изображается¹⁾. Вѣдѣствіе указанныхъ особенностей, значеніе его въ обычной жизни невелико.

¹⁾ Это можетъ указывать на значительную его древность.

II. **Духъ неба.** Большее значеніе имѣетъ духъ неба, который у разныхъ народностей носитъ различныя названія: *дагачан*, *дэсуласки буга*, *эндури*¹⁾ и др. Понятіе о немъ у нѣкоторыхъ тунгусовъ иногда сливается съ буга, но дѣятельность его по отношенію къ человѣку ближе и онъ въ значительной степени вѣдаетъ всѣмъ людямъ въ ихъ общественной и личной жизни. Онъ преимущественно благодѣтеленъ, но если сердится за невниманіе, то караетъ человѣка, лишая его успѣха на охотѣ, прироста стада и т. п., не причиняя вреда активнаго, только лишая своей помощи. Происхожденія онъ, вѣроятно, не тунгусскаго, такъ какъ и по названію и по многимъ функциямъ своимъ является созданіемъ чуждымъ.

III. **Духъ земли** встрѣчается только у тѣхъ тунгусовъ, которые знакомы съ земледѣліемъ и заимствованъ отъ китайцевъ, какъ и духъ подземнаго міра, міра признаваемаго также далеко не всѣми тунгусами, носящаго названіе не тунгусское и заимствованнаго отъ китайцевъ и ламантовъ,—монголовъ и манджуровъ.

IV. **Духъ тайги.** Совершенно иную роль играетъ духъ тайги. Это антропоморфное существо, съдой старикъ обитаетъ въ тайгѣ и является хозяиномъ, распредѣлителемъ между людьми дикихъ животныхъ и т. д. Онъ даетъ удачу, счастье на охотѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ оказывается причиною заболѣванія, но вмѣшательство шамана помогаетъ. Въ этомъ случаѣ дѣлается у нѣкоторыхъ народностей его изображеніе на бумагѣ и тогда онъ попадаетъ въ группу буркан или сэваки, обычно же его изображеніе дѣлается въ тайгѣ, на мѣстѣ удачной охоты и особенно на перевалахъ большихъ хребтовъ. На очиненномъ отъ коры деревѣ насѣнками дѣлается изображеніе глазъ, носа, рта и бороны. У этого духа есть жена, которая хотѣ и не имѣетъ особыхъ функций, но изображается вмѣстѣ съ нимъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, у этой четы есть еще двое дѣтей, которые особой роли также не играютъ. Ему приносятся жертвы или изъ только что убитаго животнаго или же изъ риса, проса (буды) и др. крупъ, если таковыя имѣются у данной народности.

Этотъ духъ пользуется, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для передвиженія бѣлымъ жеребцомъ, по мнѣнію другихъ,—тигромъ; у него же есть большая собака, длиною около полутора аршинъ. Иногда, во время охоты, люди его видятъ. Для него выдѣляется изъ табуна или стада одинъ бѣлый жеребецъ или олень, на которомъ онъ имѣетъ возможность ѣздить, на котораго не кладутъ выюковъ и который является въ случаѣ нужды посредникомъ при сношеніяхъ съ духомъ. Названія этого духа варьируются. Такъ, у нѣкоторыхъ онъ называется *ичи* (якутское), у другихъ *дагачан*, у третьихъ *баян ами*, у четвертыхъ *байнача* (монгольское), у пятыхъ — *магун*. Изъ чего явствуетъ, что названіе этого духа частью народностей заимствовано. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ особенностей, какъ жертвоприношеніе изъ риса и проса, священные бѣлые жеребцы и пр. также заимствованы отъ нетунгусскихъ народностей.

V. **Эндури.** У манджуровъ и другихъ тунгусскихъ народностей, соприкасающихся съ ними, есть рядъ духовъ подъ названіемъ *эндури*.

¹⁾ Передача этихъ терминовъ фонетически не точна. Къ сожалѣнію, техническія условія не позволяютъ дать точную транскрипцію нерусскихъ словъ.

Эти духи могут имѣть самыя различныя функціи и частью они покрывают¹⁾ уже перечисленныхъ. Такъ, есть *андури* нашенъ, рѣкъ и водъ вообще, нѣдръ земныхъ, посуды, оружія, торговли, отдѣльныхъ ремеселъ и т. д. Большая часть ихъ заимствована вмѣстѣ съ названіями, функціями и вѣшнимъ видомъ отъ китайцевъ и на нихъ я останавливаться не буду. Познанія объ нихъ почерпаются преимущественно изъ китайскихъ книгъ. Интересно отмѣтить только духа женскаго, дающаго души дѣтямъ, живущаго на юго-востокѣ и носящаго помимо *андури* также и другія названія. Какъ помощники этого духа имѣются еще нѣкоторые духи, способствующие успѣшному физическому воспитанію дѣтей. Этихъ духовъ много и они часто имѣютъ самостоятельныя значеніе и роль и не связаны съ главнымъ духомъ, отсутствующимъ у тѣхъ народностей, которыя стоятъ дальше отъ вліянія манджуровъ. Эти, такъ сказать, дѣтскіе духи подъ названіемъ *алюкан*, *канган* и др. охраняютъ дѣтей и невмѣшательство ихъ даетъ возможность другимъ духамъ причинять зло дѣтямъ.

VI. Мелкіе духи тайги, сопокъ и т. д. Весьма обширна группа духовъ населяющихъ тайгу, степь, горы, ручьи, каменные розовыи. Духи эти носятъ различныя наименованія, различнаго происхожденія и по отношенію къ человѣку могутъ имѣть различное значеніе и вліяніе. Изъ этой группы особенно много духовъ именуемыхъ нѣкоторыми тунгусами *арэнки*. По всей вѣроятности *арэнки* это души покойниковъ, оставленныхъ непогребенными, — замерзшіе, разбившіеся о скалы и вообще погибшіе отъ несчастныхъ случаевъ люди. Эти духи существеннаго вреда человѣку причинить не могутъ. Видимое проявленіе ихъ извѣстно только одно, — свѣтовое, какъ напримѣръ, двигающіеся болотныя огоньки, люминисценція и фосфорисценція. Въ тайгѣ они иногда пугаютъ, человѣка шумомъ, особенно же свистомъ. Иногда они бросаютъ въ человѣка мелкими камешками, сучьями и т. п. Всѣ непонятныя шумы и движенія въ тайгѣ приписываются имъ. Иногда *арэнки* пытаются ближе подойти къ человѣку, но бываетъ достаточно встрѣла изъ ружья, чтобы его отогнать. Если бываетъ много людей, то *арэнки* не проявляетъ большой активности. Особенно же они активны, когда человѣкъ нетрезвъ. Отдѣльныя *арэнки* именъ не имѣютъ.

VII. Бон или ибага. Совершенно особо стоитъ существо бон (тунгусское) или ибага (манджурское). Оно извѣстно особенно широко населенію, живущему въ Манджуріи и Монголіи особенно же около г. Мэргэня. Въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ духовъ бон имѣетъ тѣло, темнокрасную кровь, покрытъ сильно волосами, имѣетъ слабо-развитую нижнюю челюсть или совершенно лишенъ ея и происходитъ изъ покойниковъ. Въ засушливое лѣто ихъ появляется особенно много, зимою же не бываетъ. Разсматривать ихъ какъ духовъ, собственно, не приходится. По толкованію тунгусовъ, если въ погребенный уже трупъ входитъ душа непогребеннаго человѣка, то трупъ оживаетъ. Если вспомнить, что человѣкъ имѣетъ три души, а именно: душу, остающуюся при могилѣ, душу, переходящую въ другого человѣка, а иногда и животное и душу, уходящую въ міръ мертвыхъ, то

¹⁾ У манджуровъ духъ буга входитъ въ эту же группу, но ему приписываются меньшія сила и значеніе, чѣмъ буга другихъ тунгусовъ.

при трупъ, можетъ быть одна первая душа. Если въ трупъ вселится душа другого человѣка, еще не успѣвшая или не могущая попасть въ міръ мертвыхъ, то трупъ оживаетъ, но не обладаетъ всѣми данными для нормальнаго человѣческаго существованія, такъ какъ вторая душа его отсутствуетъ и полнаго воскрешенія произойти не можетъ. Какъ общее правило, такихъ бон уничтожаютъ и особенно охотно собаками, такъ какъ бон при встрѣчѣ съ людьми иногда имъ причиняютъ зло. Они ночью бросаются на спящихъ людей, борются съ ними, пугаютъ, душатъ и т. п. Но женщина бон иногда можетъ даже разрѣшиться отъ бремени въ могилѣ¹⁾, если погребенная была беременна.

Бон ѣсть и пьетъ и вообще проявляетъ всѣ свойства физически нормальнаго человѣка, но питается преимущественно барсукомъ. По всей вѣроятности, бон есть ничто иное какъ заснувшіе летаргическимъ сномъ, погребенные и проснувшіеся люди, которые и сами себя и ихъ всѣ считают родомъ нечеловѣческихъ существъ и они являются обреченными на окончаніе жизни вдали отъ людей²⁾, снискивая себѣ пропитаніе охотою на легко убиваемыхъ животныхъ (барсукъ, нижней челюсти или слабое развитіе ея, а также темнаго цвѣта крови, — могутъ быть для сознанія людей попросту необходимымъ отличіемъ бон отъ нормальныхъ людей.

Я подробно остановился на этомъ явленіи ввиду того, что оно вообще характерно для психологич. и мышленія тунгусовъ и многихъ изслѣдователей можетъ привести къ неправильному пониманію ученія о духахъ. Эти существа не есть духи, но только результатъ дѣятельности послѣднихъ.

VIII. Духи предковъ. Есть еще значительная группа духовъ, которыхъ манджурскіе тунгусы называютъ *сиркуль*. Собственно, этимъ названіемъ они опредѣляютъ всѣхъ духовъ, приносящихъ зло, если духъ опредѣленно неизвѣстенъ, т. е. буркан это или одинъ изъ шаманскихъ духовъ или предокъ и т. д. Преимущественно же этотъ терминъ относится къ духамъ — предкамъ, если таковые неизвѣстны по имени. Если люди корыстны вообще, то предки особенно и они ищутъ отъ живыхъ людей тѣхъ или иныхъ выгодъ, напримѣръ, жертвоприношенія, знаковъ почтенія и т. п. Если имъ не оказывается вниманія, то они способны причинять зло, мѣшать успѣшности охоты, производительности стада и даже здоровью сородовичей. Поэтому имъ устраиваются періодическія жертвоприношенія, при которыхъ полагаются особыя молитвы (обращенія къ духамъ умолиствительныя и просительныя). Предки могутъ быть довольно близкими и извѣстными человѣку и тогда они поименовываються, а если это предки значительно отдаленные, то ихъ называютъ общимъ именемъ, — предки.

Такимъ образомъ понятіе духа — предка въ сильной степени связано съ представленіемъ преимущественно о вредоносномъ духѣ, а поэтому отношеніе между живыми и мертвыми носятъ характеръ презаности.

¹⁾ Если это погребеніе тунгусское, то могила дышится часто подвѣсная на столбахъ въ незаколотомъ гробу.

Манджуры же обычно засыпаютъ землею гробъ только небольшимъ холмикомъ.

²⁾ Многочисленные рассказы о столкновеніяхъ съ бон тунгусовъ или ибага манджуровъ, вполне подтверждаютъ это предположеніе.

дупредительный и умиловительный. Духи—предки появляются преимущественно послѣ захода солнца и особенно часто осенью; они голодны и истощены, жадны и злобны, если не получаютъ просимаго. Поэтому жертвоприношенія духамъ—предкамъ обычно устраиваются ночью, особенно же осенью и духовъ—предковъ стараются ласковыми словами и обманами удалить возможно скорѣе обратно въ міръ мертвыхъ,—*буны*. Особенно же опасны тѣ изъ предковъ, которые не могли достигнуть міра мертвыхъ нормальнымъ путемъ и души которыхъ остаются или постоянно возвращаются въ міръ живыхъ¹⁾.

Представленія о жизни въ мірѣ мертвыхъ весьма различны, что всецѣло зависитъ отъ познаній народа въ этой области. Тѣ изъ тунгусовъ, которые ознакомились съ китайскими представителями о загробной жизни, свои представленія о мірѣ мертвыхъ пополняютъ изъ этого источника. Тѣ же тунгусы, которые ближе стоятъ къ монголамъ, заимствовали свои познанія отъ монголовъ и т. д. Всякое знаніе въ этой области, откуда оно ни исходило бы учитывается тщательнымъ образомъ и если попытаться возстановить *чисто тунгусское* понятіе о мірѣ мертвыхъ, то оно можетъ быть возстановлено только предположительно. Сущность его сводится къ тому, что міръ мертвыхъ построенъ абсолютно подобно міру живыхъ съ тою разницей, что всѣ лица и предметы суть духи (души) и не имѣютъ физической сущности.

Подробнѣйшее описаніе міра мертвыхъ по понятіямъ манджуровъ находится въ оригинальномъ, пожалуй единственномъ въ своемъ родѣ, но весьма распространенномъ среди народностей Манджуріи произведеніи, гдѣ изложено путешествіе шамана (души его) въ этотъ міръ²⁾. По понятіямъ манджуровъ міръ мертвыхъ конструированъ подобно манджурскому укладу жизни. По понятіямъ же, напимѣръ, тунгусовъ забайкальскихъ міръ мертвыхъ хотя значительно проще, но зато наполненъ діаволами и т. п. атрибутами, заимствованными отъ русскихъ.

Въ качествѣ вмѣстелища для духовъ—предковъ обычно употребляются антропоморфныя изображенія, изображенія собаки или оленя, на которыхъ души предковъ предпочитаютъ передвигаться³⁾. Чтобы рѣшительно избавиться отъ посѣщенія этихъ духовъ, иногда въ то вмѣстелище, въ которое духъ уже вмѣщенъ, стрѣляютъ изъ ружья или лука, чтобы изувѣчить духа и лишить его возможности возвращаться въ міръ живыхъ.

У манджуровъ въ отличіе отъ остальныхъ тунгусовъ существуетъ богато развитой культъ предковъ. У каждого рода⁴⁾ есть своя собственная группа духовъ—предковъ, которая приращивается все

¹⁾ У манджуровъ, напимѣръ, всѣ казенные путемъ отрубанія головы.

²⁾ Произведеніе это носитъ названіе „Німан саманъ“—Ниманъ (имя) Шаманъ. Оно было впервые найдено А. В. Гребенниковымъ въ Сѣверной Манджуріи, но къ сожалѣнію не было во время переведено и издано. Въ 1916 г. мнѣ удалось тамъ же найти и перевести второй вариантъ, который при любезномъ соудничествѣ проф. Н. Н. Шмидта теперь готовится къ печати.

³⁾ Собака дѣлается у тѣхъ тунгусовъ, которые не знаютъ оленеводства, что можетъ отчасти указывать на то, что собака въ качествѣ способа передвиженія была известна тунгусамъ раньше оленя. У манджуровъ дѣлается собака.

⁴⁾ Манджуры сохранили родовое устройство вполне.

время новыми покойниками. Хотя манджуры и имѣютъ письменность, и записанія именъ предковъ не требуется, такъ какъ каждый покойникъ заносится въ особый списокъ, но по мѣрѣ движенія времени предки все таки превращаются въ духовъ безъ имени называемыхъ *вочко* (*вэчэку*—въ литературномъ языкѣ). Ежегодно въ январѣ и февралѣ имъ устраивается жертвоприношеніе, при чемъ въ зависимости отъ рода характеръ и составъ жертвы измѣняются. Вмѣстелища для вочко отличаются такимъ же разнообразіемъ. Иногда это пучки ленточекъ разнаго цвѣта, иногда же это деревянные предметы или даже антропоморфныя изображенія.

Во многихъ случаяхъ причиною заболѣваній являются вочко, но они также способствуютъ и удачамъ въ жизни. Съ этой точки зрѣнія родовые вочко часто выполняютъ ту роль, которая у другихъ тунгусовъ принадлежитъ родовымъ бурканамъ. Высоко развитой культъ предковъ у манджуровъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть связанъ съ китайскимъ культомъ предковъ¹⁾.

IX. Духи *Фучхи* и *мафа*. Чтобы исчерпать перечисленіе духовъ известныхъ тунгусамъ вообще приходится особо отмѣтить группу *фучхи* и *мафа* манджуровъ. *Фучхи* заимствованы манджурами отъ ламантовъ—монголовъ. Эти духи причиняютъ болѣзни и вообще духи преимущественно вредоносные. Количество этихъ духовъ весьма значительно и шаманы ведутъ борьбу съ ними постоянно. Изображенія *фучхи* дѣлается обычно монгольскими и китайскими мастерами. Группа *мафа* состоитъ изъ ряда духовъ находящихся при жилищѣ. Такъ, есть специальный *мафа огорода*, *мафа дома* и т. д., вслѣдствіе небрежности которыхъ можетъ произойти проникновеніе въ домъ или усадьбу злыхъ фучхи, но говоря вообще они для человѣка благотельны. Время отъ времени для умиловленія ихъ устраиваются жертвоприношенія и моленія. Говоря вообще о культѣ *фучхи* и культѣ *мафа* носятъ всѣ черты заимствования отъ монголовъ и китайцевъ, что отразилось какъ на наименованіяхъ ихъ, такъ и на функцияхъ, а потому я на нихъ долѣе останавливаться не буду.

Къ духамъ не имѣющимъ большого значенія въ жизни тунгусовъ можно отнести такихъ, какъ напимѣръ хозяева различныхъ животныхъ и насекомыхъ. Ихъ вмѣстательство въ жизнь людей незначительно, перечисленіе ихъ я опускаю.

Группа буркановъ, сывэновъ и вочко.

Наибольшее значеніе принадлежитъ несомнѣнно группамъ *буркановъ* и *сывэновъ*. Во многихъ отношеніяхъ онѣ имѣютъ много общаго. Группа буркановъ²⁾ отдѣльными представителями своими входитъ въ группу сывэновъ³⁾.

Сывэнъ—это чисто шаманскій духъ. Онъ входитъ въ шамана и шаманъ вводитъ его произвольно въ себя. Такимъ образомъ, онъ мо-

¹⁾ Подробно этотъ вопросъ мною разработанъ въ работѣ по шаманству и вѣрованіямъ манджуровъ, которая подготавливается теперь къ печати.

²⁾ Отъ монгольскаго слова бурханъ, борханъ.

³⁾ Морфология этого слова неизвѣстна, но распространеніе его ограничено тунгусскими народностями, исключая собственно манджуровъ, но включая гольдовъ. У некоторыхъ тунгусовъ употребляются также термины *саваки* и *савакичан*.

жить через духа расширять свои возможности познания, воздействия на духовъ, передвиженія и т. д. Когда же сывэны оказываются въ распоряженіи шамана они являются его слугами, его подчиненными, а шаманъ въ это время называется хозяиномъ сывэновъ. *Бурканъ*—это духъ существующій независимо отъ человѣка и причиняющій человѣку иногда зло, особенно же въ отношеніи заболѣваній, а иногда и добро, если человѣку удастся взять буркана подъ свой контроль. Бурканъ подчиненный шаману дѣлается сывэномъ¹⁾ И бурканы и сывэны дѣлятся на двѣ группы каждый: на группу родовыхъ²⁾ и группу инородныхъ—*дона*. Всѣ родовые духи данного рода не покидаютъ его и остаются въ немъ всегда, при чемъ они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ отца къ сыну и дочери. Случай перехода духа отъ матери къ дѣтямъ будетъ разобранъ далѣе, а пока отъбѣчу только, что наследованіе родовыхъ духовъ можетъ вестись только по мужской линіи.

Дона,—инородные духи,—появляются среди данной народности совершенно случайно. Если въ данной мѣстности появляются другія народности, наиримѣръ якуты, или дауры, или русскіе, или китайцы, то ихъ бурканы и сывэны могутъ начать воздѣйствія на данную народность или часть ея (группу родовъ) и такимъ образомъ они заставляютъ оказывать себѣ вниманіе жертвами и молитвами и т. д., пока не будутъ удалены насиліемъ или хитростью. Тоже самое можетъ быть и въ отношеніи духовъ другихъ родовъ, а также и духовъ случайно образующихся въ тайгѣ, сопкахъ, гдѣ души погибшихъ людей остаются и дѣлаются бурканами, а вселяясь въ шамана дѣлаются сывэнами. Духи *дона*, посѣвъ продолжительнаго пребыванія среди народности или рода могутъ стать въ концѣ концовъ постоянными и даже родовыми духами. Такъ наиримѣръ, Николай Угодникъ у Забайкальскихъ тунгусовъ сталъ однимъ изъ инородныхъ буркановъ, точно такимъ же путемъ, какъ у нѣкоторыхъ шамановъ сывэнами стали духи монгольскихъ и даурскихъ шамановъ. По силѣ и значенію эти духи *дона* не отличаются отъ родовыхъ.

Для объясненія способовъ сообщеній буркановъ и сывэновъ съ людьми и воздѣйствія на нихъ со стороны людей у тунгусовъ Манджуріи и манджуровъ существуетъ слѣдующая теорія. У каждаго буркана и сывэна, а также и другихъ духовъ существуютъ свои собственные *дороги*³⁾ *Дороги* бываютъ ночныя, полуденныя, западныя, южныя, верхнія, нижнія и т. д. Движеніе духовъ происходитъ по этимъ *дорогамъ* и особенности проявленій духа на человѣкѣ зависятъ отъ *дороги* данного духа. Такъ, если бурканъ или сывэнъ пришелъ ночью по *дорогому*, то онъ производитъ одинъ эффектъ, а если полудей-

¹⁾ У тунгусовъ бурканъ иногда называется также саваки, савакичан, но эти термины, видимо, чисто тунгусскіе, теперь выходятъ изъ употребленія и нѣкоторые тунгусы всѣхъ духовъ вообще и вмѣстѣлица ихъ называютъ этими терминами.

²⁾ Подъ родомъ условимся понимать группу людей, въ сознаніи своемъ связанныхъ единствомъ кровнаго происхожденія (по мужской линіи), внутри которой бракъ запрещенъ (закономъ экзогаміи).

³⁾ У тунгусовъ *дорога* называется *окто*, что обозначаетъ и тропу и дорогу въ узкомъ смыслѣ слова; у манджуровъ слово *джогу* и, вполнѣ передаетъ понятіе *окто*.

номъ, то другой эффектъ. Въ зависимости отъ этого должно быть и воздѣйствіе на духа. Знаніе *дорогъ* и распознаваніе человекомъ по какой имѣно изъ нихъ пришелъ духъ облегчаетъ борьбу съ духами, такъ какъ по такой *дорогѣ*, какъ по слѣду, можно легко добраться шаману до самого духа. *Дороги* бываютъ болѣе и менѣе трудныя. Такъ всѣ полуденныя *дороги* труднѣе. *Дороги* предковъ проходятъ по кименнымъ, мрачнымъ мѣстамъ черезъ горы и т. д. Знаніе ихъ получается людьми черезъ шамановъ, души которыхъ въ сопровожденіе духовъ по нимъ проходятъ.

По *дорогамъ* происходитъ постоянное движеніе духовъ и по нимъ же шаманы привлекаютъ духовъ къ себѣ, если въ нихъ нуждаются, на нихъ же производятъ ихъ взаимныя и съ людьми встрѣчи.

Какъ было сказано выше, для привлеченія духовъ дѣлаются особыя вмѣстѣлица, а при вмѣстѣлицахъ обычно бываютъ и *дороги*, символизированныя въ видѣ длинныхъ лентъ, шнурковъ, узкихъ и длинныхъ кожаныхъ полосъ съ подвязанными пучками ремешковъ, тряпочекъ и бисера, символизирующихъ различныя пункты *дороги*. При нѣкоторыхъ вмѣстѣлицахъ *дорогъ* не бываетъ. Если же это вмѣстѣлице сдѣлано въ видѣ картинки (не тунгусскаго производства), что весьма сильно распространено среди тунгусовъ Манджуріи, тогда *дороги* изображаются условно на самой картинкѣ или же при ней держатся въ видѣ отдѣльной связки лентъ, шнура и т. под.

У различныхъ родовъ бываютъ различныя комбинаціи буркановъ и сывэновъ. Одинъ и тотъ же бурканъ или сывэнъ можетъ обладать въ данномъ родѣ нѣкоторыми отличительными чертами (по *дорогамъ*). Процессъ созданія такой группы родовыхъ духовъ протекаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Допустимъ, что первоначально родъ находился подъ воздѣйствіемъ одного какого-нибудь буркана, который сталъ считаться родомъ постоянно съ нимъ связаннымъ. *Выявленія* (эффекты) этого буркана обычно носили ограниченный характеръ, допустимъ, по *дорогѣ* только полуденной. Вмѣстѣлице для него было сдѣлано только съ полуденной *дорогой* и только съ одной этой *дорогой* онъ и перешелъ къ слѣдующимъ младшимъ поколѣніямъ. Вслѣдствіе внимательства въ дѣла рода другого буркана и этотъ второй бурканъ сталъ родовымъ. Если же къ моменту наблюденія оказалось что другіе бурканы не проявились, то у рода будетъ только два буркана, при чемъ одинъ изъ нихъ съ дефективными *дорогами*. Можетъ быть также и другой случай, а именно вслѣдствіе малой активности буркана родъ мало по малу забываетъ объ его существованіи и если случайно гибнутъ вмѣстѣлица, то возоблаживать бывшихъ буркановъ приходится уже на память и нѣкоторыя *дороги* и даже сами бурканы могутъ быть забыты совершенно. Наконецъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ семействъ существуютъ свои собственные бурканы, то при преобладаніи въ родѣ такихъ семействъ (смѣны плодovitыхъ поколѣній), семейные бурканы мало по малу могутъ стать родовыми. Ясно, что количество и комбинаціи буркановъ подвержены значительнымъ колебаніямъ и причинами такихъ колебаній является прежде всего знаніе (при отсутствіи письменности, плохо зафиксированные) людей о самихъ бурканахъ и ихъ отношеніи къ роду. Фантазія и собственные соображенія объ активности тѣхъ или иныхъ

Буркановъ по отношенію къ роду оказываются постояннымъ источникомъ измѣненій въ системахъ отдѣльныхъ родовъ. Неудивительно поэтому значительное разнообразіе комбинацій и значительное преобладаніе въ послѣднее время у тунгусовъ Манджуріи ламаистскихъ буркановъ, у манджуровъ—китайскихъ, у забайкальскихъ—бурятскихъ русскихъ и др. буркановъ. Неудивительно и то, что наистарѣйшій родовой бурканъ тунгусовъ *малу* тунгусовъ Манджуріи связывается ими самими съ даурской системой духовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію буркановъ, мнѣ придется остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ судьбы буркановъ, связанныхъ съ уходящими изъ рода женщинами. Здѣсь, на почвѣ законовъ экзогаміи и родового строя вообще, получается рядъ существенныхъ отлѣцій. Если женщина изъ одного рода входитъ въ другой родъ, то она, оставаясь для новаго рода чужеродной, является со своимъ собственнымъ родовымъ духомъ, древнѣйшимъ *малу* бурканомъ, котораго она сохраняетъ до смерти.

Дочь ея, принадлежа къ роду отца, по выходѣ замужъ влечетъ за собою въ чужой родъ также *своихъ* родовыхъ, т. е. рода отца, духовъ, которыхъ постигаетъ та же участь, что и духовъ принесенныхъ ея матерью. Эти духи называются *наджилъ бурканъ*. Во избежаніе того, что эти духи, будучи недовольны, начнутъ причинять не-пріятности жеманщи и ея дѣтямъ, жертвоприношеніе, молитвы и т. д. обычно является заботой мужа, отца дѣтей, рожденныхъ жеманщиной принесшей новыхъ чужеродныхъ духовъ. Чтобы имѣть возможность на нихъ воздѣйствовать, дѣлаются вмѣстелища для духовъ (идоль-чики) въ видѣ или связки деревянныхъ изображеній или картинки, въ которыхъ духи и вмѣщаются. Это даетъ возможность человѣку въ любой моментъ вызывать духовъ и ихъ локализовать, такъ какъ, не имѣя фиксированнаго мѣста они могутъ вселиться въ чело-вѣка, слѣдствіемъ чего будетъ заболѣваніе (особенно у дѣтей).

Иногда, чтобы избавиться отъ посѣщеній этихъ духовъ ихъ заманиваютъ во вмѣстелища и затѣмъ вмѣстѣ съ вмѣстелищемъ (идоль-чиками) выбрасываютъ въ рѣку. Иногда же, если жеманщина пришла безъ вмѣстелища и начинаются необъяснимыя болѣзни и несчастья, дѣлаются такіе вмѣстелища и она хранитъ ихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ передача вмѣстелища дѣтямъ, которая обычно стараются ихъ сбыть съ рукъ вмѣстѣ съ духами.

Отдѣльный бурканъ, какъ напримѣръ *ан буркан* или *малу буркан*, не есть единоличаый духъ, но каждый изъ буркановъ многочисленъ и снабженъ различными функциями. Поэтому его скорѣе можно опредѣлить, какъ комплексъ объединенный только однимъ понятіемъ. Различныя функции буркана и его высшія проявленія воплощаются въ тѣхъ частностяхъ его, которыя и образуютъ комплексъ, когудіи измѣняться въ зависимости отъ знаній людей функций всего комплекса.

Изъ буркановъ родовыхъ и извѣстныхъ тунгусамъ Манджуріи наиболѣе характерны¹⁾ слѣдующіе: *малу*, *ан* и *джіачи*.

¹⁾ Для иллюстраціи я привожу описаніе только нѣкоторыхъ буркановъ.

I. Малу бурканъ. Это древнѣйшій бурканъ или саваки, который подъ названіемъ *наджилъ* уходитъ съ женщинами въ чужой родъ. По утверженію тунгусовъ Манджуріи, онъ принесенъ даурами, но ввиду того, что онъ извѣстенъ и забайкальскимъ и амурскимъ и даже якутскимъ тунгусамъ, едва ли это утверженіе можно считать правильнымъ. Состоитъ онъ изъ сложнаго комплекса духовъ: хромоногаго, имѣющаго большую грудь, и ряда другихъ, а также вечерней и утренней звѣзды, луны и солнца и т. д. Вмѣстелища онъ имѣетъ въ видѣ ряда изображеній людей, животныхъ и небесныхъ тѣлъ. Каждое проявленіе его, представленное мужской и женской особою (въ томъ числѣ и небесныя свѣтила), имѣетъ двѣ *дороги*. Отъ него происходятъ самыя сильныя психическія заболѣванія и особенно часты хроническія заболѣванія глазъ, груди и др. Жертвы ему приносятся періодически.

II. Ан бурканъ. Различаютъ три главныхъ проявленія его: 1) домашній бурканъ, который не покидаетъ семейства и къ другимъ семействамъ не переходитъ; освободиться отъ него невозможно, можно только умиловить; 2) бурканъ селеній, переходящій изъ дома въ домъ; проявленія его: умѣренный жаръ, головная боль; 3) вишній, лѣсной бурканъ бываетъ тамъ, гдѣ есть люди. Бурканъ *ан* происхожденія недавняго; по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣетъ всего 72 разновидности¹⁾; медицинское вмѣшательство возможно. Жертвы приносятся только при болѣзняхъ, вмѣстелища дѣлаются изъ бумаги (рисунки). Онъ имѣетъ верхнюю и нижнюю *дороги*. Вмѣшательство шамана неэффективно.

III. Джіачи бурканъ является однимъ изъ древнихъ буркановъ, онъ способствуетъ обогащенію рода, если это родовой бурканъ, и семьи, если это семейный. Носимый постоянно при каждой семьѣ, онъ подсказываетъ человѣку, что нужно предпринять. Вмѣстелище для него дѣлается изъ тряпки, на которой прикрѣплены свиные антропоморфныя изображенія. Онъ имѣетъ только одну, юго-западную дорогу.

Изъ вышензложеннаго описанія первыхъ двухъ буркановъ видно, что они въ значительной степени есть одинъ изъ способовъ объясненія нѣкоторыхъ болѣзней инфекціонныхъ и психическихъ. Ан бурканъ, между прочимъ, особенно разработанъ теперь, когда стали образовываться селенія, въ которыхъ занесены эпидемическія заболѣванія. Трактовка этихъ заболѣваний въ китайскихъ книгахъ съ ихъ мистической классификаціей, ставшая извѣстной тунгусамъ, нѣкоторыми изъ послѣднихъ вводится цѣликомъ въ ан бурканъ. Туда же отнесены, между прочимъ, тифъ и гастритъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношеніе и молитва нѣкоторыми считаются безцѣльными, но признается болѣе успѣшной борьба медикаментами, „выгоняющими буркана“ изъ чело-вѣка. Если же это бываетъ заболѣваніе психическое, то, конечно, вмѣшательство считается медикаментами нецѣлесообразнымъ. Насколько важно опредѣлить какой именно изъ буркановъ причиняетъ вредъ можно видѣть изъ слѣдующихъ

¹⁾ Полный трактатъ по этому вопросу имѣется въ китайской книгѣ, извѣстной нѣкоторымъ манджурамъ и тунгусамъ. Китайское названіе ея ввиду типографскихъ условій я, къ сожалѣнію, дать не могу.

фактовъ. Въ одномъ родѣ тунгусовъ Манджуріи время отъ времени появляется бурканъ. Онъ вселяется въ одного изъ людей и тотъ начинаетъ свершать злостные и безсмысленные поступки. Такъ, одинъ убилъ своего ребенка, другой разможалъ голову брату своему, третій повѣсилъ, четвертый постоянно бѣгъ свою жену и грозитъ ее убить. Если нѣтъ никого, на комъ проявляется такъ рѣзко дѣятельность буркана, то люди начинаютъ болѣть разными болѣзнями. До сихъ поръ этотъ родъ не можетъ найти причину этого явленія, опредѣлить какой именно бурканъ вредитъ и родъ рискуетъ погибнуть. Такіе случаи извѣстны весьма широко, и тунгусы обычно находятъ имъ объясненіе въ теоріи буркановъ. Иногда вмѣшательство сильного шамана вполне избавляетъ родъ отъ страданія.

IV. Разные бурканы. Чтобы исчерпать вопросъ о бурканахъ, придется еще сказать о мелкихъ бурканахъ и о бурканахъ случайнаго происхожденія.

Многочисленные горные бурканы, бурканы отдѣльных скалъ, розсыпей и проч. частью неизвѣстнаго происхожденія, а частью происшедшіе изъ душъ умершихъ людей неестественной смертью, психически больныхъ и т. п. вселяются въ человѣка или изгоняютъ изъ него душу путемъ испуга. Тогда человѣкъ заболѣваетъ психически и здѣсь можетъ быть примѣнено либо жертвоприношеніе и специальная молитва, либо шаманское дѣйствіе.

Къ этой группѣ можно отнести и духовъ бургузинскихъ тунгусовъ *оджянь*, которые живутъ своею собственною жизнью, имѣютъ оленей, размножаются и происходятъ отъ ранѣ жившихъ двухъ людей—брата и сестры—бросившихъ часть своихъ дѣтей въ каменныхъ розсыпяхъ. Невниманіе со стороны людей къ нимъ ихъ сердитъ и они мѣшаютъ человѣку въ его начинаніяхъ. Случаются отъ нихъ и психическія заболѣванія.

Изъ буркановъ мало вредныхъ человѣку нужно указать на буркана огня, который, будучи недовольнымъ, можетъ отомстить пожаромъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ является покровителемъ хозяина жилища, способствуетъ нарожденію богатства его и т. д., а также духовъ, охраняющихъ стадо и другихъ менѣе значительныхъ, какъ духи дверей, жилища и т. п. Большая часть послѣднихъ заимствована отъ манджуровъ и китайцевъ вмѣстѣ съ жилищемъ, а иногда и названіями.

Сывэнь, какъ было сказано, является чисто шаманскимъ духомъ. Представимъ, что эти духи послѣ смерти шамана свободны, т. е. они не состоятъ при какомъ-нибудь *одномъ шаманѣ*. Тогда сывэнь начинаетъ бродить по членамъ рода, къ которому покойный шаманъ принадлежалъ, и искать для себя вмѣстипища и хозяина. Хозяинъ сывэновъ, шаманъ, принявъ духовъ¹⁾, входитъ съ ними въ постоянную и непосредственную связь и они имѣютъ возможность воздѣйствовать на шамана и заставлять его выполнять ихъ желанія. Точно также и шаманъ можетъ черезъ посредство духовъ дѣйствовать на другихъ духовъ и людей. Когда сывэнь уже вмѣстился въ шамана, то шаманъ (душа его) начинаетъ обладать *всѣми качествами самого сывэня*.

¹⁾ Процессъ принятія духовъ будетъ объясненъ далѣе.

эна. Такъ, если сывэнь можетъ быть въ видѣ птицы, то и шаманъ можетъ дѣйствовать какъ птица, если сывэнь (тотъ же самый) можетъ быть въ видѣ тигра, то и шаманъ можетъ быть въ видѣ тигра и т. д. Для удобства передвиженія, укрывательства отъ враговъ и т. п. шаманъ, такимъ образомъ, вмѣстивъ въ себя умѣющаго превращаться въ животныхъ сывэна, самъ можетъ принимать измѣненія (образы) и вмѣщаться своимъ духомъ въ предметы, людей и животныхъ.

Если сывэнь можетъ видѣть и слышать на разстояніе, то и шаманъ, имѣющій этого сывэна, вмѣстивъ его въ себя, начинаетъ обладать тѣми же качествами, что и сывэнь. Такимъ образомъ и сывэнь заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть хозяина и шаманъ заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть сывэна и создается своеобразное сожителство духовъ и людей (духовъ ихъ, дунъ) въ оболочкѣ послѣднихъ. Сывэны не всегда являются вмѣщенными въ шамана, но обычно находятся внѣ шамана. Вмѣщаются же они или по своему собственному желанію или же по призыву шамана—хозяина.

Природа сывэновъ весьма сложна. Какъ и бурканы, одинъ и тотъ же сывэнь, имѣющій пребываніе гдѣ то внѣ физическихъ тѣлъ и человѣка, находящейся въ пространствѣ, можетъ избрать одинъ или нѣсколько родовъ мѣстомъ своего пребыванія. Пребываніе его въ одномъ человѣкѣ или нѣсколькихъ людяхъ, можетъ быть временнымъ, краткимъ или длительнымъ, но онъ все таки постоянно будетъ возвращаться въ одинъ и тотъ же родъ.

Въ одинъ родъ сывэнь можетъ являться въ одномъ видѣ или нѣсколькихъ видахъ, въ другой родъ въ другомъ или другихъ видахъ, а такъ какъ каждый сывэнь, какъ и бурканы, если комплексъ духовъ или ихъ выявленій, то каждый сывэнь можетъ дать нѣсколько разновидностей по родамъ. Это и будутъ специально родовые сывэны. Они переходятъ отъ шамана къ шаману даннаго рода, который они никогда не покидаютъ (пока въ родѣ помнятъ о существованіи этого духа).

Кромѣ родовыхъ сывэновъ могутъ быть и инородные—*дона*.

Достаточно какому-либо духу, буркану, напимѣръ, вселиться въ человѣка и вызвать аналогичныя послѣдствія вселенія сывэна, какъ онъ самъ дѣлается сывэномъ шамана и его уже не покидаетъ, при чемъ сывэны *дона* могутъ быть у шамана внѣ зависимости отъ наличія родовыхъ сывэновъ. Такимъ образомъ, сывэномъ *дона* иногда дѣлается одинъ изъ буркановъ. Напимѣръ, бурканъ скалъ, вселяется въ шамана и подчиняется послѣднему. Онъ можетъ быть переданъ и наслѣдникамъ шамана, а можетъ и уйти совершенно.

Вслѣдствіе указанныхъ особенностей сывэновъ, движеніе и измѣненіе ихъ состава происходитъ постоянно и по тѣмъ же путямъ, какъ и движеніе и измѣненіе состава буркановъ. Количество сывэновъ подтверждено, такимъ образомъ, значительнымъ колебаніямъ особенно же вслѣдствіе ознакомленія съ сывэнами другихъ народовъ. Такъ среди *вошко*—шаманскихъ духовъ у манджуровъ—встрѣчаются тунгусскіе, даурскіе и монгольскіе, а среди тунгусскихъ специально якутскіе и т. д.

Что касается вмѣстипищъ для сывэновъ и ихъ *дорогъ*, то сюда можетъ быть отнесено все то, что было уже сказано о вмѣстипищахъ и

дорогахъ буркановъ съ тою разницей, что сывэнъ главнымъ своимъ вмѣстилищемъ имѣетъ самого хозяина-шамана и нуждается въ немъ, какъ въ постоянномъ вмѣстелищѣ. Поэтому у шамановъ обычно бываетъ только одинъ или два вмѣстелища для его главного (обычно это первый пришедшій въ него духъ или родовой) сывэна, который пребываетъ постоянно во вмѣстелищѣ и такимъ образомъ постоянно остается при шаманѣ. Такими вмѣстелищами бывають части шаманскаго костюма и привѣски на немъ, связки деревянныхъ изображеній людей, животныхъ и т. п. вродѣ *малу бурканъ* или же, наконецъ, какъ это обязательно бываетъ у манджуровъ, особыя картины, на которыхъ изображены всѣ *воичо*, съ которыми имѣетъ дѣло или можетъ имѣть дѣло данный шаманъ. Поэтому, между прочимъ, почти не бываетъ совершенно одинаковыхъ костюмовъ, одинаковыхъ вмѣстелищъ и шаманскихъ картинъ. Къ этому вопросу мнѣ придется возвратиться еще разъ далѣе.

Вслѣдствіе указанныхъ особенностей сывэновъ и распредѣленія ихъ по родамъ, а также естественной забывчивости людей *системы сывэновъ* постоянно измѣняются и различаются не только по отдѣльнымъ родамъ, но и по отдѣльнымъ шаманамъ, особенно когда шаманъ имѣетъ сывэновъ *дона*, но въ то же самое время нѣкоторые сывэны оказываются общими ряду народностей живущихъ по соседству. Поэтому составленіе изслѣдователемъ системъ сывэновъ для каждаго хозяина въ отдѣльности весьма важно, такъ какъ даетъ возможность впоследствии опредѣлить съ какими народностями непосредственно и косвенно сталкивался данный народъ и какія вліянія онъ испыталъ на себѣ. Безъ детальнаго же анализа этнографическихъ особенностей каждаго сывэна выдѣленіе цѣлыхъ системъ шаманскихъ духовъ съ отнесеніемъ ихъ къ той или иной народности едва ли возможно и даже цѣлесообразно, такъ какъ такая схематизація неизбежно должна привести къ искусственному построению, подобному тѣмъ искусственнымъ построениямъ, которыя были произведены антропологами по отношенію къ соматическимъ признакамъ отдѣльныхъ народностей¹⁾.

Для цѣлей настоящаго „Опыта“ ни составленіе системы, ни анализъ особенностей каждаго сывэна въ отдѣльности не требуется, а поэтому я въ дальнѣйшемъ остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ сывэновъ и ихъ этнографическихъ особенностяхъ.

I. Малу-сывэнъ. У каждаго шамана обязательно бываетъ *малу-сывэнъ* будь то родовой шаманъ, къ которому *малу* идетъ обязательно, какъ родовой сывэнъ, будь то неродовой шаманъ, который ввиду могущества этого сывэна старается его имѣть при себѣ. Какъ и всѣ родовые сывэны, *малу* самъ никакого зла роду не причиняетъ, но его

¹⁾ Правда, въ отношеніи этнографическихъ явленій дѣло обстоитъ благоприятнѣе, такъ какъ отдѣльная этнографическая особенность можетъ быть точнѣе изслѣдована въ отношеніи своего генезиса и развитія, особенно сравнительно лингвистическихъ и сравнительно этнографическихъ методами, чѣмъ отдѣльные соматическія особенности народностей, законы измѣненія которыхъ еще неизвѣстны. Хотя сравнительные методы оставляютъ большое поле для произвола авторовъ, но пользование ими при извѣстной осторожности можетъ дать результаты, которыми при повѣркѣ ихъ другими методами можно пользоваться для дальнѣйшихъ обобщеній, если, конечно, таковыя уже не даны, какъ опредѣляющій моментъ хода самого наблюденія и изслѣдованія.

индифферентизмъ даетъ возможность другимъ сывэнамъ и духамъ вообще причинять зло и бѣдѣзни. *Малу*, по мнѣнію однихъ, заимствованъ отъ дауровъ, а по мнѣнію другихъ, былъ древне-тунгусскимъ родовымъ духомъ и у нѣкоторыхъ сохранился полностью, а у другихъ только частью. Такъ у тунгусовъ сѣверо-маньчжурскихъ¹⁾ въ настоящее время *малу* существуетъ лишь въ половинномъ составѣ, такъ какъ вся мужская половина выявленій (эффектовъ) его вернулась на сѣверъ и отсутствуетъ, въ то время какъ у другихъ, болѣе сѣверныхъ тунгусовъ, сохранилась мужская половина. Поэтому у *малу* имѣется только одна полуочная *дорога*, являющаяся *дорогою женской*. Одинъ изъ родовъ бирарскихъ имѣетъ *малу* въ составѣ слѣдующихъ выявленій: двухъ женщинъ, двухъ лицъ безъ тѣла, двухъ половинчатыхъ людей, двухъ мнѣстическихъ существъ съ 9 головами, 9 якутовъ 9 антропоморфныхъ существъ, 2 птицъ, 2 драконовъ, 2 одноногихъ людей, 2 лѣстницъ, 2 людей съ большой грудью и 2 мостиковъ. Эти выявленія вмѣщаются въ, соответствующія названіямъ ихъ, вмѣстелища, которыя дѣлаются изъ дерева, но могутъ быть, напримѣръ у амурскихъ тунгусовъ, сдѣланы также изъ мѣди и желѣза. Размѣры ихъ и вѣшная форма варьируются. Варьируетъ и составъ въ зависимости отъ рода, такъ у другихъ родовъ можетъ быть вмѣсто однихъ другія выявленія и бывають дополнительныя: ящерицы, черепахи и т. д.

Ввиду того, что *малу* имѣетъ зѣвроподобныя выявленія, онъ можетъ служить и способомъ превращеній для шамана. Если въ составѣ сывэна есть, допустимъ, змѣя, то шаманъ (душа его) можетъ, вмѣстивъ въ себя сывэна, передвигаться въ образѣ змѣи.

Одною изъ формъ *малу* является и *наджиль сывэнъ*, подобно тому какъ *наджиль бурканъ* есть только форма *малу* буркана. Очевидно, что *наджиль сывэнъ* приходитъ и остается съ женщинами. Впрочемъ, по существу разницы съ *малу* здѣсь нѣтъ и если существуетъ такое наименованіе, то оно указываетъ лишь на путь черезъ женщинъ, по которому пришелъ *малу*.

Для примѣра я укажу только на нѣкоторыя особенности вѣшныхъ проявленій вхожденія въ шамана отдѣльныхъ выявленій *малу*. Когда приходитъ одноногий, то шаманъ прыгаетъ на одной ногѣ, когда приходитъ большой грудью, — шаманъ кашляетъ и т. д. Другія выявленія этого сывэна даютъ возможность шаману, вмѣстившему сывэна въ себя, преодолевать препятствія въ видѣ воды (идетъ рыбою), маленькихъ рѣчекъ (перебрасывается мостикомъ), а также многое узнавать, благодаря древности, знанію и опытности нѣкоторыхъ выявленій его.

Обычнымъ, любимымъ мѣстопребываніемъ *малу* считаются высокія сопки, заросшія ползучимъ кедровникомъ. У различныхъ родовъ эти мѣста находятся въ различныхъ частяхъ нынѣ занимаемой ими территоріи и даже знѣ ея. Напримѣръ, одинъ изъ родовъ бирарскихъ указываетъ мѣстопребываніе своихъ родовыхъ сывэновъ близъ озера Ханка²⁾, гдѣ этотъ родъ раньше жилъ и былъ можетъ тамъ ихъ приобрѣсть.

¹⁾ Хинганскіе (по хребту Большой Хинганъ), кумарскіе (такъ называемые, маньчжурскіе) и бирарскіе (по названію ихъ управленія, такъ называемые бирары).

²⁾ Оз. Ханка находится болѣею частью своею въ предѣлахъ Южно-Уссурийскаго Края, т. е. приблизительно въ 600—700 верстахъ отъ бирарскихъ.

При жертвоприношеніи постоянныя вмѣстителища вѣшаются на особое специально сдѣланное приспособленіе изъ жердей.

II. Кайдун сывэнъ. Къ родовымъ сывэнамъ относится также *кайдун сывэнъ*.

Кайдунъ имѣетъ слѣдующія выявленія: первое, — 5 людей и 5 птицъ, 2 дракона и 2 дерева — верхняя дорога, полуденная и второе, — 4 человека и 4 птицы 2 дракона и 2 дерева — нижняя дорога, полуночная. Во время вызова духовъ (камланіе) протягивается веревка, шнуръ, по которой и приходитъ духъ. Этотъ сывэнъ бываетъ далеко не у каждаго рода, но если вслѣдствіе, напримѣръ, удара грома или болѣзни оказывается необходимымъ привлечь его, тогда онъ можетъ сдѣлаться родовымъ сывэномъ.

III. Другіе сывэны. *Сера джсерги* и *джсерги дарылъ* также родовые сывэны. Первый имѣетъ три дороги и выявленія: 9 маленькихъ людей, 5 птицъ и 2 дракона, но обозначеній по поламъ не имѣетъ; второй совершенно подобно кайдунъ сывэнъ.

Къ родовымъ сывэнамъ относится также незначительный *адар сывэнъ*, имѣющій женскую дорогу, ночную и *кароль сывэнъ*, имѣющій одну мужскую, дневную дорогу. Послѣдній играетъ большую роль для шамановъ; ему жертвъ не приносятъ, но если отъ него умираетъ человекъ, то изъ костей покойника дѣлаютъ постройку вродѣ шалаша, а изъ черена чашу. Этого духа шаманы боятся и приходитъ онъ рѣдко.

IV. Сывэны дона. Опуская перечисленіе дорогъ и отдѣльныхъ выявленій сывэновъ *дона* я обращаюсь къ перечисленію наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ. Какъ было сказано, таковыми могутъ оказаться всѣ бурканы и духи.

Поэтому есть *ан дона сывэнъ*, который бываетъ въ тѣхъ же случаяхъ когда и бурканъ, есть заимствованный у манджуровъ сывэнъ оспы, къ которому примыкаетъ *ламалайченъ*, т. е. сывэнъ ламы, духъ пришедшій отъ ламантовъ вмѣстѣ съ названіемъ.

Интересно также отмѣтить сывэна вѣтра и вихря¹⁾, который даетъ возможность шаману идти вихремъ и *нѣргыр сывэнъ* — сывэна бури²⁾

Вмѣщеніе въ человека *ангана сывэнъ* вызываетъ тупоуміе; *джагдар сывэнъ* не боится огня, а поэтому шаманъ вмѣстивъ его въ себя можетъ руками разгребать угли, лизать желѣзо и т. д.; особенно хорошо его знаютъ даурскіе шаманы и вызываютъ его на помощь въ случаѣ долго незаживающихъ раненій; *Сунусун сывэнъ* называется по имени вѣкогда жившаго шамана, душу котораго сывэны не отпустили въ загробный міръ и онъ сталъ самъ вселяться въ людей, оказывая шаману помощь своими знаніями, а также выявленіями въ видѣ дѣтей и животныхъ, что позволяетъ шаману проникать въ мѣста, куда трудно пройти незамѣченному въ другомъ видѣ.

Особенно богатъ животными выявленіями *Кадар сывэнъ*, скаль сывэнъ, а именно, имѣются выявленія: журавля, кукушки, тигра, мед-

вѣдя, хорька, выдры, змѣи, ящерицы и др., но не бываетъ орла, коршуна, совы и другихъ хищниковъ, а также козули и лося.

Если родовой шаманъ уже имѣется, то сывэнъ *дона* можетъ войти въ какого-нибудь человека послѣ чего тотъ дѣлается шаманомъ. Особенно много женщинъ шамановъ, получившихъ сывэновъ изъ группы *дона*, а изъ послѣдней, именно, *кадар-сывэна*. Всѣ сывэны заимствованные у сосѣднихъ народностей, такимъ образомъ, проходятъ стадію дона и сохраняютъ свои особенности, пока люди помнятъ ихъ происхожденіе. Такимъ образомъ, иногда оказывается, что сывэнъ не умѣетъ говорить на языкѣ народа, къ которому принадлежитъ шаманъ и онъ, шаманъ, когда въ него входитъ сывэнъ, вынужденъ говорить на языкѣ сывэна. Поэтому часто во время камланія шаманъ нѣвычки начинаетъ говорить по якутски, по даурски, по манджурски и по китайски, а шаманъ манджуръ очень часто говоритъ по китайски и по монгольски. Этимъ также объясняется изобиліе чужихъ и непонятныхъ словъ, иногда просто исковерканныхъ до неузнаваемости, которыя встрѣчаются въ обращеніяхъ къ духамъ и которыя совершенно непонятны слушателямъ. Къ таковымъ относятся также древнія слова и прирѣквы, значенія которыхъ никто объяснить не можетъ. Языкъ сывэновъ, между прочимъ, можетъ служить однимъ изъ вѣрныхъ способовъ установленія происхожденія духовъ.

У нѣкоторыхъ шамановъ бывають иногда въ качествѣ сывэновъ семейные бурканы, которые передаются внутри семьи и дѣлаются, такимъ образомъ, какъ бы *семейными сывэнами*.

Чтобы закончить о сывэнахъ замѣчу еще, что шаманы къ нимъ относятся различно и однихъ изъ нихъ считаютъ умными, образованными, много видѣвшими и знающими, къ помощи которыхъ они любятъ прибѣгать, другихъ же считаютъ малообразованными, къ помощи которыхъ прибѣгать не любятъ и называютъ и тѣхъ и другихъ особыми терминами.

Система шаманскихъ духовъ — *вочко*¹⁾, *влечку*²⁾ *влѣн*³⁾ у манджуровъ нѣсколько отличается отъ системы духовъ у остальныхъ тунгусовъ. Существенное отличіе ея заключается въ томъ, что *вочко* не являются такими комплексами, какъ у другихъ тунгусовъ и у каждаго изъ нихъ есть свое, строго фиксированное мѣсто. Второй особенностью является то, что системы *вочко* въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ измѣняются и наполняются новыми духами, иного рода происхожденія. Третьей особенностью является переходъ изъ предковъ, называемыхъ, какъ это было видно, также *вочко*, отдѣльныхъ духовъ въ видѣ *шаманскихъ вочко* и даже больше того, — въ нѣкоторыхъ родахъ предки сами могутъ входить въ людей и создавать такимъ образомъ шамана, вслѣдствіе чего, установить рѣзкую грань между чисто шаманскими *вочко* и родовыми предками-*вочко* оказывается невозможнымъ, въ то время какъ у другихъ тунгусовъ разработаннаго культа предковъ совершенно не существуетъ. Кроме

¹⁾ Сывэнъ вѣтра, грома, бури и т. д. отнюдь не есть духъ этихъ явленій природы.

²⁾ Пришедшій отъ дауровъ и сохранившій даже названіе даурскаго рода откуда онъ вышелъ.

¹⁾ Въ разговорномъ языкѣ.

²⁾ Въ литературномъ языкѣ, каждый духъ отдѣльно.

³⁾ Въ литературномъ языкѣ, всѣ духи вмѣстѣ.

того, шаманскіе духи манджуровъ всегда бываютъ изображены на особыхъ картинахъ мастерами акварелистами и у каждаго рода имѣется своя собственная система, въ составъ которой помимо вочко общихъ всѣмъ шаманамъ входятъ также предки шаманы, ставшіе *вочко* послѣ смерти.

Точно также, какъ и у другихъ тунгусовъ, въ числѣ *вочко* имѣется нѣкоторое количество духовъ китайскихъ, монгольскихъ и особенно тунгусскихъ народностей, соединенныхъ съ манджурами. Въ значительномъ числѣ заимствованы духи и отъ ламантовъ. Поэтому манджурскіе шаманы постоянно пользуются языками¹⁾ народностей, отъ которыхъ взяты *вочко*. Манджурскіе *вочко* имѣютъ свои дороги подъ названіемъ вечернихъ и дневныхъ, при чемъ первыя являются женскими, а вторыя мужскими.

Этихъ общихъ замѣчаній достаточно, чтобы перейти къ описанію и перечисленію *вочко*. Для примѣра я возьму одну изъ системъ, при чемъ взятая система во всѣхъ отношеніяхъ является типичной.

Вочко рода Вуджяля (новоманджуры):

- 1) старый учитель шаманъ,—духъ шамана, ставшій *вочко*.
- 2) тигръ шаманъ,—по имени шамана.
- 3) огня *вочко*.—когда вмѣщается въ шамана, то шаманъ безъ опасности для себя можетъ лезть горячее желѣзо и т. д.
- 4) *вочко* тигры, змѣи, лисенцы, волки, медвѣди и т. д.
- 5) военачальникъ *вочко*.—самый первый шаманъ, одинъ изъ важнѣйшихъ *вочко*.
- 6) хромоногий братъ,—помогающій при перевозкѣ черезъ рѣку въ міръ мертвыхъ.
- 7) соколъ *вочко*.
- 8) старый хозяинъ *вочко*.
- 9) ажиуланъ *вочко*.—помогаетъ дѣтямъ.
- 10) группа богатырей *вочко*.
- 11) группа женскихъ *вочко* (2—3).
- 12) нейбунту *вочко*.—приводитъ счастье²⁾.

Всѣ *вочко* раздѣляются на ряды, количество которыхъ варьируетъ въ зависимости отъ рода отъ 10 до 15 и болѣе. Каждый рядъ имѣетъ *главнаго вочко*, по имени котораго и называется рядъ. По отношенію къ нему остальные *вочко* являются подчиненными. Во главѣ же всѣхъ *главныхъ вочко*, стоитъ ихъ такъ сказать, шефъ. У каждаго *вочко* есть свое собственное мѣсто въ рядѣ.

По происхожденію *вочко*, можно раздѣлить на: 1) бывшихъ шамановъ рода, 2) *вочко* заимствованныхъ отъ другихъ народностей, 3) животныхъ *вочко*, 4) богатырей *вочко* и 5) основателей шаманства.

Первая группа, конечно, постоянно возростаетъ и измѣняется, такъ какъ по мѣрѣ появленія новыхъ шамановъ—*вочко* воспоминае о болѣе древнихъ ослабѣваетъ. Вторая группа также измѣнчива, что зависитъ отъ знаній шамана о *вочко* другихъ народностей. Третья группа болѣе или менѣе постоянна и цѣлкомъ служитъ для превращеній шамана, точнѣе—для того, чтобы духъ шамана могъ вселиться

¹⁾ Владѣя другими тунгусскими языками лишь въ исключительныхъ случаяхъ, манджурскіе шаманы при вмѣщеніи тунгусскихъ *вочко* произносятъ только призывы и отдѣльные слова.

²⁾ Происходить отъ андури.

въ эти выявленія вочко. Четвертая группа *вочко* отличается энергіей, безстрашіемъ передъ болью и огнемъ, смѣлостью и т. д. Значительная часть ихъ вмѣстѣ съ названіемъ заимствована отъ китайцевъ. Пятая группа по составу своему постоянна и у всѣхъ шамановъ одинакова. Самый старый *вочко* имѣетъ въ видѣ человека въ періодъ манской династіи, т. е. во времена, къ которымъ у манджуровъ вообще относится много мифическихъ событій.

Любопытно отмѣтить, что китайскіе *вочко* довольно подробно извѣстны и по именамъ и по своимъ свойствамъ (китайскій языкъ манджурамъ хорошо извѣстенъ), а *вочко* другихъ тунгусовъ называются общимъ именемъ *килин вочко* и обозначаются по номерамъ, при чемъ ихъ индивидуальныя особенности мало извѣстны (языки этихъ народовъ мало извѣстны манджурамъ).

Между системами *вочко* старо и ново-манджуровъ¹⁾ существуетъ разница, а именно, у вторыхъ имѣется особый, лѣсной главный *вочко* со своими подчиненными.

Въ качествѣ особенности старо-манджуровъ можно отмѣтить также наличие у нѣкоторыхъ родовъ духовъ родовыхъ (предковъ), которые входятъ въ шамана совершенно подобно шаманскимъ *вочко*, вызывая тѣ же эффекты и играя роль, соответствующую шаманскимъ духамъ. Роль шамана въ этомъ случаѣ играетъ родовой жрецъ, называемый также шаманомъ. Этотъ переходъ отъ родовыхъ *вочко* къ чисто шаманскимъ весьма интересенъ, такъ какъ даетъ нѣкоторыя основанія для гипотезъ о развитіи системъ духовъ у манджуровъ и быть можетъ даже происхожденія ихъ²⁾.

Такимъ образомъ провести грань между *большими шаманами*³⁾ и родовыми не представляется возможнымъ. Правда, у ново-манджуровъ родовые жрецы при жертвоприношеніи даже не поютъ и не можетъ быть мѣста для развитія настоящаго шаманства на этой почвѣ, но быть можетъ родовое жертвоприношеніе и жречество у этой группы манджуровъ по сравненію со староманджурами находится въ состояніи недоразвитія.

Функции дорогъ вечерней и дневной, также какъ и у другихъ тунгусовъ, раздѣлены. Вечернія дороги преимущественно приносятъ болѣзни, а дневныя приносятъ охрану роду и отдѣльнымъ членамъ его, въ томъ числѣ и шаману.

Чтобы закончить о *вочко*, мнѣ придется сказать еще нѣсколько словъ специально о китайцахъ—шаманахъ и ихъ духахъ. Система шаманскихъ духовъ у китайцевъ⁴⁾ почти не отличается отъ системъ

¹⁾ Манджуры дѣлятся на старо-манджуровъ, монголь-манджуровъ и ново-манджуровъ, при чемъ въ послѣднюю группу включаютъ они сами усурійскихъ, амурскихъ и сунгарійскихъ гольцовъ.

²⁾ Впрочемъ наличие такихъ родовыхъ *вочко*, которые оказываются по особенностямъ своимъ подобными шаманскимъ, можетъ быть объяснено также и тѣмъ, что у родовъ (прямое указаніе мнѣ извѣстно только по отношенію одного рода), имѣющихъ такихъ духовъ, эти духи произошли отъ нѣкогда жившихъ, выдающихся шамановъ.

³⁾ Переводъ съ манджурскаго.

⁴⁾ Подъ китайцами здѣсь я разумѣю китайцевъ по происхожденію, живущихъ издавна среди манджуровъ и входящихъ въ восьмизначную военную организацію манджуровъ. Они говорятъ на китайскомъ языкѣ, но въ отношеніи культурномъ близко подходятъ къ манджурамъ.

маньчжурских шаманских духовъ. Въ нихъ больше преобладаетъ, конечно, элементъ чисто китайскихъ духовъ, но также какъ и въ другихъ системахъ есть въ значительномъ числѣ духи чисто маньчжурскіе, тунгусскіе и др. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ существуютъ полное подобіе маньчжурскимъ системамъ духовъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ вопросу о специально китайскомъ шаманствѣ въ Сѣверной Маньчжуріи замѣчу также, что въ отношеніи костюма, ритуала и т. д. китайцы-шаманы почти подобны маньчжурскимъ шаманамъ. Вопросъ о происхожденіи шамановъ-китайцевъ съ этой части Маньчжуріи этими замѣчаніями я не предпріимаю. Судя по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о шаманахъ въ провинціи Шан-дун и въ другихъ чисто китайскихъ мѣстностяхъ, можно предположить, что китайское шаманство въ Сѣверной Маньчжуріи не китайскаго происхожденія. Вліяніе же китайскаго элемента на маньчжурское шаманство, какъ было видно, весьма значительно, что вполне понятно ввиду культурной зависимости маньчжуровъ отъ Китая. Установленіе же происхожденія шаманства въ этихъ странахъ у указанныхъ народностей, я полагаю, можетъ быть дѣломъ только будущаго¹⁾.

III. Шаманскіе принадлежности, костюмъ и ритуалъ.

Костюмъ и шаманскія принадлежности, говоря вообще, имѣютъ большое значеніе въ шаманствѣ. Составъ костюмовъ и принадлежностей подверженъ значительнымъ варіаціямъ. Вѣроятно, такъ было и раньше, но въ настоящее время одной изъ основныхъ причинъ измѣненій состава и сравнительнаго объединенія костюма и принадлежностей является почти повсемѣстное преслѣдованіе внѣшнихъ проявленій шаманства, что заставляетъ шамана мало по малу отказываться отъ внѣшнихъ знаковъ своей профессіи. Къ этому вопросу я вернусь далѣе болѣе подробно. Разсматривая современное состояніе шаманскаго костюма и принадлежностей, приходится учитывать то, что современное ихъ состояніе не есть результатъ нормальной эволюціи.

У различныхъ тунгусскихъ народностей шаманскіе костюмы различны; такъ напримѣръ, въ Забайкальской области можно наметить три основныхъ типа костюмовъ: костюмъ—птица сѣверныхъ баргузинскихъ и нерчинскихъ тунгусовъ и у нихъ же костюмъ—изюбрь (у большихъ шамановъ) третій,—это костюмъ южной группы кочевыхъ тунгусовъ (скотоводовъ) по типу своему значительно приближающийся къ костюмамъ бурятъ Забайкальской области; въ Маньчжуріи шаманскіе костюмы у всѣхъ тунгусовъ, кромѣ маньчжуровъ, почти подобны и различаются лишь деталями, но костюмъ шамановъ—маньчжуровъ совершенно отличенъ и въ зависимости отъ рода пред-

¹⁾ Что касается китайскихъ указаній, относящихся къ маньчжурамъ времени Цинской Династіи (тунгусской) въ Китаѣ, то на основаніи этихъ данныхъ нельзя установить идетъ ли рѣчь о родовыхъ жрецахъ или шаманахъ собственно.

ставляетъ рядъ варіантовъ. Къ послѣднему примыкаетъ костюмъ китайцевъ—шамановъ, а къ предыдущему костюмъ дауровъ¹⁾.

Костюмы всѣ живыки носятъ черты примитивнаго тунгусскаго костюма. Такъ, напримѣръ, жакетообразные кафтаны лишены воротниковъ, у нѣкоторыхъ народностей сохранились передники и т. д. Костюмъ-птица баргузинскихъ и нерчинскихъ тунгусовъ изображаетъ птицу,—выявленіе одного изъ главныхъ шаманскихъ духовъ. Костюмъ снабженъ желѣзными подвѣсками и бахромой, символизирующими скелетъ и опереніе птицы.

Состоитъ онъ изъ кафтана, передника, штановъ, наголенниковъ, обуви и шапки, сдѣланныхъ изъ замши. При костюмѣ должно быть обязательно китайское мѣдное зеркало. Соответственно отличается костюмъ—изюбрь, на шапкѣ котораго имѣются желѣзные рога²⁾ а отдѣльные подвѣски символизируютъ скелетъ изюбры. Этотъ костюмъ дѣлается обязательно изъ шкуръ изюбры.

Костюмъ кочевыхъ тунгусовъ Забайкалья есть сложная комбинація птицы и изюбры и имѣетъ жезлы, изображающіе ноги лошади или изюбры.

Интересенъ рядъ подвѣсокъ, символизирующихъ лодки, остроги, сабли и другія орудія, которыми шаманъ пользуется во время своихъ путешествій, а также изображенія птицъ и животныхъ, въ которыя вмѣщаются духи.

Костюмъ маньчжурскихъ живыки проще. Онъ не имѣетъ такого количества подвѣсокъ, но за то снабженъ большимъ числомъ (до 30) китайскихъ зеркалъ различнымъ размѣровъ (до 30-85 сантиметровъ въ діаметрѣ) и имѣетъ вмѣсто желѣзныхъ деревянныя изображенія кукушекъ, въ которыя вмѣщаются сызены. Шапки этихъ живыки есть точная копія шапокъ одного изъ буддъ.

Маньчжурскій шаманскій костюмъ состоитъ изъ кафтана, обычно изъ красной матеріи, съ орнаментомъ вокругъ шеи и по плечамъ и прикрѣпленными мѣдными зеркалами; шапки, снабженной большими мѣдными птицами (отъ одной до пяти штукъ) или желѣзными рогами; особаго пояса, къ которому прикрѣплены на широкомъ кускѣ кожи большія конусообразныя желѣзныя погремушки; юбки съ разрезами по бокамъ и ряда мелкихъ принадлежностей.

У отдѣльныхъ группъ перечисленныхъ народностей костюмы даютъ варіаціи и больше того: у каждаго шамана есть свои особенности въ костюмѣ, что объясняется тѣмъ, какіе именно духи ему подчинены. Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, преслѣдованія отдѣльныхъ частей костюма могутъ отпадать. Такъ напримѣръ, забайкальскіе шаманы иногда ограничиваются, и это является минимумомъ, только однимъ большимъ китайскимъ зеркаломъ, которое вѣшается на грудь, маньчжурцы же сохраняютъ только юбку и поясъ съ подвѣсками и т. д.

Къ костюму же можно отнести и бубень, безъ котораго шаманить безусловно нельзя. Бубны также весьма разнообразны по формѣ и размѣрамъ. Начиная отъ большихъ съ резонаторами, яйцевидной

¹⁾ Шаманскій костюмъ гольдовъ ближе стоитъ къ маньчжурскому, что вполне понятно, такъ какъ сами маньчжурцы гольдовъ считаютъ ново-маньчжурами.

²⁾ Раньше рога дѣлались изъ настоящихъ роговъ изюбры, одну такую шапку мнѣ удалось видѣть.

формы (у Забайкальских), они доходят до маленьких, совершенно круглых съ узеньким ободком (у манджуровъ), при чемъ размѣры ихъ колеблются отъ 40 до 90 сантиметровъ въ діаметрѣ.

У шаманскаго костюма иногда бываетъ свой духъ охранитель изъ числа шаманскихъ духовъ, но по смерти хозяина костюма во всякомъ случаѣ одинъ изъ подчиненныхъ ему духовъ остается при костюмѣ. Костюмъ сохраняется обычно въ родѣ и переходитъ къ следующему шаману вмѣстѣ съ духами. Уничтоженіе костюма существеннаго вреда ни шаману ни духамъ не причиняетъ¹⁾, такъ какъ онъ можетъ быть лишь отчасти вмѣстипищемъ для духовъ, не имѣя болѣе значительныхъ назначеній и качествъ.

Шаманскія принадлежности также различны, какъ и костюмы. Такъ напримѣръ, у забайкальскихъ тунгусовъ онѣ дѣлаются каждый разъ особо и то изображаютъ плоты (изъ рыбъ), то животныхъ, то людей. Это вмѣстипища. Изъ принадлежностей тунгусовъ Манджуріи необходимо отмѣтить *дороги*, которыя символизированы длинными (во много метровъ) ремнями или веревками съ нанизанными въ вѣсколькихъ мѣстахъ цвѣтными бусами. Какъ и у забайкальскихъ тунгусовъ, у нихъ дѣлается для каждаго камланія особо рядъ вещей изъ дерева. У манджуровъ же помимо дѣлаемыхъ на каждое камланіе вещей, имѣются постоянныя желѣзныя колья, трезубцы, сабли и др. оружіе, съ помощью котораго борются духи-богатыри, а также большихъ размѣровъ деревянныя изображенія рыбъ и птицъ. Подобно связкамъ вмѣстипищъ для духовъ малу у другихъ тунгусовъ, у манджуровъ бываютъ картины.

Такъ какъ въ костюмѣ и принадлежностяхъ пребываютъ, хотя бы временно, шаманскіе духи, то небрежное обращеніе съ этими вещами недопустимо. Духъ, будучи обезпеченъ, можетъ покинуть костюмъ и вселиться въ кого нибудь изъ людей. Поэтому всегда принимаются нѣкоторыя предосторожности. Такъ напримѣръ, костюмъ въ присутствіи больныхъ дѣтей не шумятъ и не трогаютъ его, но если опасности быть не можетъ, то считается допустимымъ, хотя старики этого и не любятъ, играть бубномъ, не имѣя ввиду сознательно привлечь вниманіе духовъ. Если костюмъ становится очень ветхимъ, или ненужнымъ, вследствие прекращенія дѣятельности шамана, то его не уничтожаютъ, но относятъ въ дѣсь и тамъ вѣшаютъ на дерево. Если шаманъ умираетъ, то костюмъ его иногда вѣшается близъ могилы и и черезъ нѣкоторое время духи покидаютъ костюмъ окончательно.

Новый костюмъ сооружается на средства всего рода, такъ какъ затраты на сооруженіе его весьма значительны, — иногда на костюмъ бываетъ до 2 пудовъ мѣдныхъ зеркалъ. Кроме того, выдѣлка желѣзныхъ частей, кожъ, украшеній и т. п. требуетъ также много работы. У манджуровъ костюмъ шьютъ пожилыя вдовы и молодыя дѣвушки, вообще женщины не имѣющія уже менструацій и съ манджурской точки зрѣнія являющіяся *чистыми*. Когда костюмъ сооруженъ, то шаманъ его надѣваетъ безъ особыхъ церемоній; впрочемъ, иногда этому сопутствуетъ родъ торжества съ жертвоприношеніемъ шаманскимъ духамъ. Замѣна отдѣльных частей шаманскихъ принадлежностей и

¹⁾ Уничтоженіе костюмовъ нѣкоторыми миссіонерами, кроме матеріальнаго ущерба, собственнику ничего не причиняетъ.

костюма также возможна и въ этомъ случаѣ обновленіе ихъ можетъ произойти постепенно.

У нѣкоторыхъ шамановъ можетъ быть и два костюма, старый и новый, но у забайкальскихъ тунгусовъ бываетъ и такъ, что шаманъ имѣетъ костюмъ—птицу и костюмъ—изюбря, такъ какъ не всякое камланіе возможно въ костюмѣ—птицѣ.

Шаманскій ритуаль, способы жертвоприношенія, обращенія къ духамъ и т. д. представляютъ такія же различія, какъ и системы духовъ и костюмы. Существуетъ рядъ пріемовъ, которые приняты всеми тунгусами. Къ таковымъ относятся: установленные способы закланія жертвенныхъ животныхъ, при которыхъ нельзя проливать на землю кровь, гаданіе при помощи колотушки и др. Въ отношеніи возстановленія исторіи и происхожденія шаманства изученіе ритуала представляетъ значительный интересъ. Такъ напримѣръ, всѣ виды дневнаго камланія у забайкальскихъ тунгусовъ требуютъ въ качествѣ жертвеннаго животнаго барана, т. е. животное, которое сами тунгусы не разводятъ (оленные), а камленіе ночное требуетъ оленя. Въ первомъ случаѣ всѣ вещи необходимыя при камланіи дѣлаются въ количествѣ кратномъ тремъ и девяти, а во второмъ случаѣ въ количествѣ кратномъ четыремъ. Это можетъ отчасти указывать на то, что первый ритуаль камланія заимствованъ отъ монгольскихъ народностей, у которыхъ имѣется баранъ, а число девять играетъ значительную роль въ шаманствѣ. Въ качествѣ жертвеннаго животнаго у нѣкоторыхъ родовъ манджуровъ раньше употреблялась собака, а у другихъ—барсукъ, впоследствии замѣненная свиньей. Для нѣкоторыхъ сызеновъ у тунгусовъ Манджуріи въ качествѣ жертвеннаго животнаго употребляются неизвѣстныя въ обиходъ бродячаго охотника куры и свиньи, добыть которыя въ тайгѣ иногда представляетъ значительное затрудненіе, что можетъ указывать на заимствование этого ритуала отъ народностей, имѣющихъ куръ и свиней, т. е., вѣроятно, манджуровъ.

Не меньше данныхъ для установленія происхожденія отдѣльныхъ слагаемыхъ современнаго шаманства даетъ языкъ иѣсноиѣный, а особенно припѣвы. Такъ напримѣръ, нѣкоторые шаманскіе духи, говоря, допустимъ, на манджурскомъ языкѣ, припѣвы имѣютъ кыпчакскіе или китайскіе и т. д. Иногда же отъ всего духа остается только туманное представленіе о немъ и припѣвъ на чуждомъ данному народу языкѣ. Вообще ритуаль жертвоприношенія и шаманскаго дѣйствія нерѣдко носить на себѣ слѣды большей древности, чѣмъ самъ духъ, а быть можетъ, и все шаманство. Несомнѣнно, что стремленіе примѣнять *привычный* способъ воздѣйствія на духовъ, несмотря на то, что значеніе того или иного воздѣйствія уже непонятно, сохраняется дольше, такъ какъ всякое отступленіе отъ *привычнаго* дѣйствія можетъ быть непонятно для духа, а слѣдовательно могутъ быть нарушены значеніе и цѣлесообразность самого дѣйствія. Эти то причины и дѣлаютъ ритуальную сторону шаманства особенно устойчивою.

войн). Болѣе подробно останавливаться на шаманскомъ ритуалѣ я не буду, такъ какъ это имѣетъ лишь косвенное значеніе для цѣлей настоящаго „Опыта“²⁾.

IV. Ш а м а н ъ.

Для объясненія того, какими путями шаманъ входитъ въ сношенія съ духами, было бы желательно предварительно дать разсмотрѣніе отношеній духовъ къ роду и отношеній шамана къ роду. Въ то же самое время перейти къ этимъ вопросамъ возможно лишь по установленіи путей, коими достигается связь между духами и личностью шамана. Поэтому въ этой и слѣдующей части изложенія неизбежны будутъ нѣкоторыя повторенія. Замѣчу также, что размеры настоящаго „Опыта“ мнѣ не позволяютъ привести *все* факты мнѣ извѣстные, а потому я въ качествѣ примѣровъ буду брать лишь наиболѣе типичные случаи.

Начиная съ трудовъ первыхъ путешественниковъ по Сибири, какъ Палласъ, Георги, Кастрень и др., и кончая трудами изслѣдователей послѣднихъ лѣтъ, мы находимъ рядъ фактовъ и подробныхъ описаній различныхъ видовъ заболѣваній нервного и психическаго свойства. Но въ этомъ отношеніи Сибирь еще ждетъ изслѣдователей невропатологовъ и психопатологовъ, такъ какъ то, что до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ направленіи слишкомъ недостаточно для самыхъ скромныхъ обобщеній.

Сибирскія народности даютъ рядъ особыхъ разновидностей нервныхъ и психическихъ заболѣваній, а распространеніе этихъ заболѣваній оказывается даже значительно шире и глубже, чѣмъ среди другихъ намъ извѣстныхъ народовъ. Каковы причины этихъ явленій, полагаю, въ настоящее время, когда еще не изучены сами заболѣванія и психическія особенности указанныхъ народностей, устанавливать преждевременно. Тѣмъ не менѣе позволю себѣ замѣтить, что приписываніе этихъ заболѣваній такъ называемому *вырожденію* сибирскихъ народностей, вслѣдствіе вліянія якобы существующаго кровосмѣшательства, ограниченности кровей и т. п. основано лишь на предположеніяхъ, такъ какъ вырожденія съ *біологической* точки зрѣнія, даже среди уменьшающихся численно народностей, нѣтъ. Во-первыхъ, коэффициентъ прироста населенія нельзя разсматривать абсолютно; необходимо учесть *интенсивность развитія* производительныхъ силъ народности, что должно быть введено въ коэффициентъ прироста, какъ одинъ изъ моментовъ. Во-вторыхъ, кровосмѣшательства и значительной

¹⁾ Въ манджурской книгѣ „*Вэчэрэ кооли битхэ*“, французскій переводъ которой имѣется и гдѣ изложены правила жертвоприношеній, можно найти не мало примѣровъ и правилъ, которые до сихъ поръ строго соблюдаются манджурами, хотя эта книга у сѣверныхъ манджуровъ большой извѣстностью не пользуется и ее въ качествѣ руководства нынѣ живущіе манджуры не употребляютъ. Замѣчу здѣсь, что наличие письменности и картинъ, а также вмѣстилищъ еще болѣе способствуетъ сохраненію ритуала.

²⁾ Къ детальному описанію и толкованію ритуала я надѣюсь вернуться болѣе подробно въ моихъ слѣдующихъ работахъ о шаманствѣ тунгусовъ вообще и въ особенности манджуровъ.

ограниченности брака (эндогамичность) обычно не существуетъ, доказательствомъ чему служить хотя бы значительная смѣшанность антропологическихъ типовъ. Къ этому вопросу вообще приходится относиться съ весьма большой осторожностью и считать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые этнографы, *причиной* значительнаго распространенія заболѣваній эти совершенно еще неprovѣренные факты неосновательно. Поэтому я, не имѣя возможности здѣсь же обратиться болѣе подробно къ разбору *основныхъ причинъ* развитія нервныхъ и психическихъ заболѣваній, временно позволю себѣ не касаться ихъ даже предположительно. Пусть данныя, которыя мнѣ удалось собрать, послужатъ лишь матеріаломъ для будущихъ выводовъ, успѣшность которыхъ будетъ зависеть помимо количества собранныхъ фактовъ также и отъ методовъ обработки ихъ, а особенно provѣрки на сибирскомъ социологическомъ матеріалѣ нѣкоторыхъ положеній, полученныхъ на европейскомъ матеріалѣ, совершенно отличномъ по своему происхожденію, антропологическимъ особенностямъ и главное этнографическимъ условіямъ.

Эти замѣтанія я считаю достаточными, чтобы предупредить отъ преждевременныхъ выводовъ и подчеркнуть, что разрѣшеніе разбираемыхъ вопросовъ требуетъ особенной осторожности.

Приходится различать шамановъ опытныхъ, такъ сказать, профессионаловъ и шамановъ начинающихъ и рѣдко шаманящихъ. Знаніе и опытъ профессионала многое могутъ скрыть отъ глазъ изслѣдователя. Поэтому я начну свое изложеніе съ молодыхъ, малоопытныхъ шамановъ, для которыхъ самый актъ камланія не сталъ еще привычнымъ.

За нѣсколько дней до камланія, особенно если таковое не назначено специально, шаманъ начинаетъ испытывать чувство неудовлетворенности, упадка силъ, иногда легкой возбудимости. Онъ ищетъ объясненія причинъ своего состоянія, но не находитъ ихъ. Наконецъ, во снѣ ему начинаютъ являться непонятныя странныя явленія, объясненія которыхъ онъ не находитъ и это создаетъ ему еще большую нервную неустойчивость. Когда это состояніе доходитъ до нѣкотораго предѣла и должно какъ-то разрѣшиться, шаманъ начинаетъ, сознательно или безсознательно, искать поводъ устроить камланіе. Если его услуги никому не нужны, то онъ выискиваетъ поводъ самъ. Либо онъ просто хочетъ узнать чего отъ него хотя бы подчиненные ему духи, либо онъ хочетъ узнать черезъ духовъ, что дѣлается съ его близкими или что его ждетъ. Если это его желаніе укладывается въ опредѣленное рѣшеніе, тогда шаманъ вызываетъ духовъ и камлаетъ по опредѣленнымъ правиламъ, если же онъ не можетъ найти рѣшенія, то дѣло кончается внезапнымъ приходомъ духовъ, обычно во снѣ, и они сами ему объясняютъ причину ихъ появленія. Въ послѣднемъ случаѣ шаманъ начинаетъ сильно трестись и дрожать всѣмъ тѣломъ, особенно плечами и головой. Онъ садится на землю или на нару (у осѣдлыхъ), начинаетъ часто и рѣзко подпрыгивать, скрежеща зубами и тряся головой. Движеніе его начинаютъ дѣлаться все рѣзче и рѣзче, чаще и чаще; онъ ритмиченъ, но нарастаніе темпа происходитъ равномерно. Наконецъ онъ приостанавливается, какъ будто даже успокаивается, но новый приступъ, начинающійся съ неритмичнаго по-

дергиванія плечами и головой, снова овладѣваетъ имъ. Время наступленія слѣдующаго момента зависитъ отъ личнаго характера шамана. Когда движенія имъ уже совершенно овладѣютъ, шаманъ начинаетъ пѣть одинъ изъ мотивовъ извѣстныхъ всѣмъ, не только шаманамъ; пѣніе становится все громче и громче, движенія начинаютъ подчиняться мотиву, наконецъ шаманъ въ пѣніе начинаетъ вкладывать слова. Слова эти принадлежать уже не ему, шаману, а тому духу, который въ него вмѣстился. Душа шамана уже не самостоятельна. Если по близости отъ шамана есть опытный человѣкъ,—помощникъ шамана,—онъ начинаетъ задавать вопросы духу: какой, именно, это духъ, зачѣмъ онъ пришелъ, что ему нужно и т. д. Подпѣвая шаману послѣ каждой строфы, помощникъ помогаетъ шаману, заполняя молчаливые перерывы. Если есть подъ рукой бубенъ, то онъ передаетъ его шаману и тотъ начинаетъ въ него ритмично бить колотушкой. Шумъ бубна и подвѣсокъ на немъ еще больше вводятъ шамана въ состояніе *сознательнаго* невладенія собой. Если шаманъ бубна держать не можетъ или отказывается отъ этого, то помощникъ самъ беретъ бубенъ и помогаетъ шаману довести себя до того состоянія, когда духъ становится полнымъ господиномъ тѣла шамана. Когда цѣль достигнута, шаманъ становится нѣсколько спокойнѣе; его сознаніемъ, его языкомъ и тѣломъ владѣетъ духъ, онъ ему отдается абсолютно, образъ духа, желанія его и страданія, овладѣваютъ шаманомъ, и подсознательная сфера его отгѣсняетъ сознаніе. Тогда шаманъ *сознательной* жизнью больше не живетъ, онъ находится въ состояніи, когда сознаніе его усыплено. Если въ этотъ моментъ шаману оно возвращается и если ему неизвѣстны нѣкоторые приемы возвратить себя въ прежнее состояніе, изъ котораго онъ выведенъ, онъ теряетъ способность продолжать камланіе. Въ этомъ состояніи шаманъ можетъ пребывать нѣсколько часовъ. Духъ, вмѣстившійся въ шамана, можетъ понестись за много верстъ отъ тѣла шамана, наблюдать тамъ и рассказывать то, что онъ видитъ. Духъ можетъ войти въ связь съ другими духами и отъ нихъ узнать, то что ему требуется, онъ можетъ просить и заставить другихъ духовъ оказать ему помощь и т. д. Въ это время дѣло помощника шамана все запомнить и понять, что говоритъ духъ черезъ шамана, не приводя шамана въ полное сознаніе, задавая ему вопросы коротко и ясно, ловя моментъ, когда шаманъ молчитъ. Если въ это время сознаніе къ шаману вернется благодаря грубости и неумѣнью помощника, то духъ можетъ уйти и прервать сеансъ.

Значеніе помощника шамана громадно. Отъ его умѣнья зависитъ и то, чтобы помочь шаману остаться въ томъ состояніи, до котораго онъ себя довелъ, и понять то, что духъ говорилъ. По окончаніи камланія далеко не всегда, конечно, шаманъ помнитъ и знаетъ, что именно духъ говорилъ и тѣ вопросы, которые стояли передъ шаманомъ до начала камланія, останутся для него вопросами, если помощникъ не изложитъ ему услышаннаго. Функція помощника иногда исполняются случайно присутствующими при камланіи людьми, но когда камланіе предвидится, то обычно помогаетъ одно и то же лицо, привыкшее къ данному шаману.

Когда духъ кончитъ свое дѣло, онъ уходитъ. Уходитъ онъ внезапно. Шаманъ сразу успокаивается, вытираетъ лицо платкомъ, протираетъ глаза, пьетъ воду или чай и обычно скоро засыпаетъ, утомленный и измученный физически. На слѣдующій день, если шаманъ получилъ удовлетвореніе и позывъ камлатъ не повторяется, онъ встаетъ бодрѣмъ и веселѣмъ. Тяжелому психическому состоянію его уже болѣе нѣтъ мѣста.

Это самый простой случай камланія, теперь я перехожу къ болѣе подробному описанію состоянія шамана, тѣхъ возможностей, которыя открываются для него, когда духъ въ него уже вмѣстился, приемовъ камланія и способовъ поддержать достигнутое состояніе.

При перечисленіи шаманскихъ духовъ попутно указывалось и на качества, которыми обладаютъ нѣкоторые изъ нихъ. Качества и способности духовъ даютъ шаману возможность, вмѣстивъ въ себя духовъ, пользоваться свойствами ихъ въ своихъ интересахъ. Такъ, наприкладъ, духи, которые не боятся боли, даютъ возможность шаману наносить себѣ уколы, порѣзы и удары, не испытывая при этомъ страха и не боясь послѣдствій. Приходилось, дѣйствительно, неоднократно наблюдать чрезвычайную нечувствительность шамановъ во время вхожденія въ нихъ духовъ этой группы. Больше того, заживленіе порѣзовъ и уколовъ полученныхъ во время камланія, по свидѣтельству многихъ лицъ, протекаетъ значительно быстрѣе. Большіе шаманы, т. е. шаманы, обладающіе большими знаніями, умѣемъ и вліяніемъ на людей, въ присутствіи нѣкоторыхъ духовъ при болѣе сильной сосредоточенности могутъ даже безъ физическихъ воздѣйствій вызывать на лѣбъ выступаніе крови черезъ кожу, причемъ кровотеченіе приостанавливается вскорѣ послѣ ухода духа. При вмѣщеніи духа огня шаманы обнаженными ногами входятъ въ кучу горящихъ углей, манипулируютъ съ раскаленнымъ желѣзомъ, обливаютъ и берутъ въ ротъ горячія китайскія курительныя свѣчи, вообще не боятся высокихъ температуръ. При вхожденіи нѣкоторыхъ духовъ они приобретаютъ болѣе сильную подвижность, дѣлаютъ такіе скачки, на которые они въ нормальномъ состояніи безусловно неспособны. Такъ, наприкладъ, однажды мнѣ пришлось наблюдать одного стараго шамана въ возрастѣ болѣе 80 лѣтъ, который былъ слѣпъ и не могъ уже передвигаться безъ посторонней помощи; когда на него былъ надѣтъ костюмъ, вѣсненькій, во всякомъ случаѣ, болѣе одного пуда, и когда духъ въ него уже вмѣстился, онъ, ударяя при этомъ въ бубенъ, началъ подпрыгивать на высоту не менѣе одного метра и танцевалъ съ легкостью совершенно непонятной при его дряхлости. При вмѣщеніи духа беременной женщины у шаманокъ начинается животъ и становится настолько большіхъ размѣровъ, что женщина имѣетъ видъ готовой разрѣшиться; тогда шаманка даетъ прощупать ей животъ и предлагаетъ тутъ же родить ребенка-духа, но конечно, никто изъ присутствующихъ не соглашается его принять; по удаленіи этого духа, животъ шаманки сразу опадаетъ до нормальныхъ размѣровъ. Шаманы могутъ пребывать въ неподвижномъ состояніи или неудобномъ для тѣла положеніи почти неограниченно продолжительное время, что совершенно невозможно для нормальныхъ людей.

Изъ моихъ подробныхъ наблюденій надъ шаманами, мнѣ удалось получить рядъ любопытныхъ фактовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Шаманка отправилась въ міръ мертвыхъ, чтобы увидѣть тамъ души давно умершихъ предковъ рода. Путешествіе въ міръ мертвыхъ сложно, длительно и опасно, такъ какъ въ моментъ, когда душа шамана покидаетъ тѣло, она можетъ быть по пути перехвачена врагомъ шаманомъ или задержана какимъ-нибудь духомъ. Иногда случается, что шаманъ во время такого камланія, не приходя въ сознание, умираетъ. Когда духъ шаманки покинулъ ее тѣло, она бросилась на особо сдѣланный плотъ изъ четырехъ деревянныхъ рыбъ, покрытый шкурою только что убитого оленя. Передъ этимъ мнѣ удалось опредѣлить пульсъ, онъ былъ близокъ къ 110. Вскорѣ послѣ паденія ее, тѣло начало мало по мало остывать, пульсъ ослабѣвать и едва чувствуемый давалъ уже не болѣе 52-4 ударовъ. Шаманка лежала безъ движенія и становилась все холоднѣе и холоднѣе. Душа ее не возвращалась и она не двигалась. Такъ продолжалось при сохраненіи присутствовавшими тишины около получаса. Помощники ее начали беспокоиться и звать ее. Она не отзывалась. Тогда начали высѣкать огонь кремнемъ, брызгать водою, тереть ее и т. д. пока она не отозвалась слабымъ подавленнымъ голосомъ. Тогда помощники стали рѣзко бить въ бубенъ, шумѣть подвѣсками и громко кричать. Шаманка стала согрѣваться, наконецъ она поднялась, вскочила, схватила бубенъ и снова начала пѣть и двигаться, — душа ее вернулась.

Случай, когда смерть наступаетъ безъ видимыхъ причинъ, по указанію самаго человѣка, извѣстно немало. Такъ напримѣръ, извѣстно, что нѣкоторые племена австралійцевъ совершенно не могутъ ѣсть мяса тотемныхъ животныхъ, такъ какъ вѣрятъ въ то, что сѣвшій неминуемо долженъ умереть черезъ три дня; и они, дѣйствительно, расплачиваются за невоздержанность или ошибку жизнью. Среди народовъ Европы сильно нервныя натуры назначаютъ себѣ день и часъ смерти, готовятся къ ней и смерть, дѣйствительно, наступаетъ вслѣдствіе пріостановки дѣятельности сердца. Извѣстно также, что многіе индивидуумы обладаютъ умѣньемъ регулировать сердцебиеніе, усиливая и ослабляя его. Достаточно того, что существуетъ *нѣкоторая* возможность регулированія сердечной дѣятельности, чтобы степень воздѣйствія на сердце стала въ зависимость отъ степени *желанія и умѣнья* это дѣлать. Наконецъ, если вѣра въ то, что вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ *должна* наступить обязательно смерть, достаточно сильна и дѣлаетъ въ сознаніи человека смерть необходимой, то смерть, дѣйствительно, можетъ наступить, вслѣдствіе самовнушенія и воздѣйствія на сердечную дѣятельность. Въ случаѣ шаманства дѣло такъ именно и обстоитъ. Шаманъ *знаетъ* то, что душа его уходитъ, онъ *знаетъ*, что она можетъ быть похищена или задержана при возвращеніи своемъ въ тѣло шамана, онъ *знаетъ*, что жизнь безъ души невозможна и если онъ убѣдился въ томъ, что душа его, дѣйствительно, не вернулась, ему ничего болѣе не остается, какъ пріостановить сердечную дѣятельность и, дѣйствительно, умереть. Случай же перехватыванія души шамана во время большаго камланія, когда душа шамана идетъ въ міръ мертвыхъ, бываютъ часты, а поэтому шаманы избѣгаютъ пускать свою душу въ такіа опасныя

путешествія и ходятъ въ міръ мертвыхъ рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ, а иногда и рѣже того.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ шаману бываетъ необходимо вмѣстить въ себя подрядъ нѣсколько духовъ. Допустимъ, что ему черезъ духа стало извѣстно, что для выздоровленія больного ему, шаману, необходимо найти душу больного и вмѣстить ее обратно, изгнавъ предварительно изъ больного вмѣстившагося какого-нибудь бродячаго духа (случай сильнаго психическаго заболѣванія). Тогда само камланіе должно состояться изъ нѣсколькихъ актовъ: 1) обычное обращеніе къ шаманскимъ духамъ за помощью, и входженіе одного изъ нихъ, 2) узнаваніе помощью духа причины болѣзни и нахожденіе души больного, 3) приглашеніе ряда духовъ и входженіе ихъ, а затѣмъ добываніе и доставка души больного, 4) при помощи другихъ духовъ удаленіе въ спеціальное вмѣстилище духа, вмѣстившагося въ больного, 5) вмѣщеніе обратно души больного въ его тѣло, 6) возданіе благодарности духамъ. Такимъ образомъ, для успѣшнаго веденія этого камланія необходимо приглашеніе и вмѣщеніе нѣсколькихъ духовъ, преодолѣніе препятствій со стороны другихъ духовъ и т. д. Каждый духъ обладаетъ своими особенностями, своими словами, своимъ умѣньемъ, своей спеціальностью, поэтому и шаману приходится все это знать и дѣлать.

Чтобы довести себя до подавленія сознанія, шаману приходится употребить немало времени (входженіе духа), а затѣмъ уже духъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно. Иногда для этого требуется болѣе часа, а все камланіе продолжается нѣсколько часовъ и шаману за это время приходится мѣнять свои приемы, настроеніе — бываютъ веселые, мрачные, медленные и быстрые и т. д. (духи) нѣсколько разъ. Послѣ такого напряженія всѣхъ силъ, шаманъ бываетъ чрезвычайно утомленъ и долженъ значительное время (нѣсколько часовъ) отдыхать, а иногда даже онъ остается въ подавленномъ состояніи въ теченіи нѣсколькихъ дней, особенно если ему не удалось вмѣстить въ себя духовъ или одного изъ нихъ и добиться желаемого результата.

Имѣетъ также большое значеніе настроеніе шамана и подготовленность его къ камланію. Если шаманъ *хочетъ* камлать и ищетъ случая, то дѣло для него проще, но если его просятъ и заставляютъ камлать, то для него это труднѣе, такъ какъ предварительно онъ долженъ довести себя до такого состоянія, когда ему *захочется* камлать, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ него духи не вмѣстятся, или ему придется только дѣлать видъ, что духи вмѣстились. Такимъ образомъ, помимо того, что шаманъ можетъ быть пассивнымъ вмѣстилищемъ духовъ, онъ долженъ умѣть самъ вмѣщать духовъ и слѣдовательно, произвольно подавлять свое сознаніе. По увѣренію шамановъ даже умѣный, знающій всѣ приемы, шаманъ не можетъ достигнуть полнаго влагнія духами и настроеніемъ людей, если не отдастъ цѣликомъ духамъ, т. е. не подавитъ совершенно своего сознанія. Искусство и опытность шамана приводитъ его къ *умѣнью* довести себя до такого состоянія и для этого существуетъ рядъ приемовъ.

Самое опасное это прохожденіе шаманомъ момента психическаго перехода отъ сознанія къ вмѣщенію духа, когда камланіе

можетъ превратиться въ простой нервный припадокъ, т. е. когда шаманомъ владѣетъ духъ, а не шаманъ духомъ. Когда шаманъ со вмѣщеніемъ духовъ, то все дѣйствіе происходитъ ночью въ полутемномъ помѣщеніи; для созданія экстаза шаманъ закрываетъ глаза и покачивается ритмично; постороннимъ шумомъ его развлекать нельзя, но подпѣваніемъ нужно помогать непрерывному поддержанію ритма; въ бубень шаманъ бьетъ ритмично; время отъ времени нагибаетъ низко голову и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ или частями его. Для поддержанія силъ онъ иногда пьетъ водку или ханшину (китайская водка) или араку (молочная водка монголовъ). Иногда же шаманъ выкуриваетъ подрядъ нѣсколько трубокъ табаку. Такіе приемы для шамановъ, очевидно, вредны, такъ какъ поднимаютъ ихъ энергію на моментъ, послѣ чего наступаетъ реакция. Вслѣдствіе этого опытные шаманы во время камланія избѣгаютъ наркотиковъ, а передъ камланіемъ предпочитаютъ поѣсть и выспаться. Если шаману не удается довести себя до экстаза, то онъ, немного отдохнувъ предварительно, начинаетъ всю процедуру сначала.

Начиная камлатъ, шаманъ обычно уже знаетъ, какой именно духъ долженъ придти первымъ, вторымъ и т. д. Вѣроятно, во время камланія самъ шаманъ не знаетъ и не помнитъ этого порядка, но *обычный порядокъ вмѣщенія духовъ въ даннаго шамана* ему извѣстенъ, хотя бы отъ его собственныхъ помощниковъ. Обычно у шамановъ бываетъ *свой* порядокъ. Если порядокъ нарушается, то это ставитъ помощниковъ въ большое затрудненіе и крайне мѣшаетъ шаману, такъ какъ помощники путемъ удачнаго заданія вопросовъ и т. п. не оказываютъ шаману необходимаго содѣйствія. Само собою разумѣется, что *сознательно* шаманъ мѣнять порядокъ не будетъ, — это роняетъ авторитетъ шамана, можетъ вызвать перерывъ въ настроеніи, удаленіе духа и вообще замедляетъ камланіе. Помощники же также раздражаются и съ трудомъ слѣдятъ за шаманомъ. Они утверждаютъ, что у шамановъ въ этомъ отношеніи существуютъ свои привычки, — одни точно слѣдуютъ однимъ порядкомъ, а другіе этого не дѣлаютъ, но въ нормальномъ состояніи шаманъ всегда знаетъ порядокъ вмѣщенія своихъ духовъ. Кромѣ того, при сравнительно ограниченномъ количествѣ духовъ, запоминаніе порядка вмѣщенія ихъ не составляетъ труда даже для дѣтей. Очевидно, во время камланія шаманъ идетъ по порядку вмѣщенія духовъ совершенно безсознательно.

Во время камланія, какъ было сказано, обычно бываетъ темно, но слѣпые шаманы могутъ камлатъ и днемъ. Шинки, толчки и вообще все то, что возвращаетъ шамана въ сознаніе, приводитъ къ уходу духа, если только шаманъ не реагируетъ на эти дѣйствія безсознательно самозащитой. Во время же вмѣщенія нѣкоторыхъ духовъ, ощущеніе боли у шамановъ совершенно пропадаетъ и тогда такіа воздѣйствія на шамановъ не производятъ никакого впечатлѣнія¹⁾. Въ это время шаманъ въ состояніи развивать энергію совершенно несоотвѣтствующую его физическимъ данностямъ. Такъ напримѣръ, слабая женщины — шаманки обладаютъ настолько большой силой, что нѣсколько взрослыхъ мужчинъ не могутъ ихъ удерживать на мѣстѣ, если это требуется. Старухи и старики пріобрѣтаютъ легкость и молодость.

¹⁾ Мнѣ лично приходилось производить такіе опыты.

Во время камланія они также теряютъ ощущеніе холода и въ сильный морозъ шаманъ иногда часами полуодѣтый находится въ юрты или фанзы. Начавъ камланіе, шаманъ иногда не ѣстъ почти цѣлый день. Все это говоритъ за то, что во время камланія состояніе шамановъ значительно отличается отъ обычнаго, нормальнаго состоянія людей вообще и ихъ самихъ. Наконецъ, само камланіе, которое иногда продолжается отъ захода и до восхода солнца и во время котораго шаманъ находится несомнѣнно въ состояніи весьма сильнаго возбужденія, свидѣлствуетъ объ исключительной выносливости шамановъ во время камланія.

Путемъ значительнаго напряженія и продолжительности иногда многодневнаго камланія шаманамъ удается, по словамъ шаманистовъ, достигать сообщенія на разстояніе, вызывать издалека другихъ шамановъ себѣ въ помощь, внушать людямъ нѣкоторыя дѣйствія и т. д. Такіхъ фактовъ въ настоящее время извѣстно уже много, но объясненіе ихъ я пока оставляю на будущее, такъ какъ сложность этихъ явленій нуждается въ дополнительномъ анализѣ самихъ фактовъ и требуетъ болѣе детальнаго изложенія ихъ. Замѣчу только, что для разрѣшенія этихъ вопросовъ одного скептицизма недостаточно. Только послѣ специального изученія самого явленія можно будетъ сдѣлать выводы¹⁾.

О вліяніи шамановъ на присутствующихъ людей и ихъ подчиненіи шаманамъ мнѣ удобнѣе сказать въ слѣдующей части.

Какимъ же образомъ человекъ становится хозяиномъ духовъ, шаманомъ? Чтобы подойти къ этому вопросу, мнѣ придется касаться взаимоотношеній родовыхъ духовъ и рода. Къ послѣднему вопросу болѣе подробно я обращусь далѣе, а поэтому здѣсь я ограничусь лишь общими замѣчаніями. Когда въ родѣ по смерти шамана освобождаются духи, среди членовъ рода²⁾ начинаются страшныя, необъяснимыя заболѣванія которыя особенно сильно распространяются среди ближайшихъ шаману членовъ рода нисходящаго поколѣнія, специально же среди молодыхъ людей обоего пола въ возрастѣ приблизительно до 20 лѣтъ. Больные дѣлаются задумчивыми и разсѣянными, лишаются работоспособности, не могутъ заниматься обычнымъ трудомъ, много спятъ, во снѣ постоянно бредятъ, всакиваются на ложѣ, стремятся удалиться отъ людей, иногда убѣгаютъ въ тайгу и тамъ остаются по долгу, обычно отказываются отъ пищи и худѣютъ. Иногда это заболѣваніе сопровождается истерическими при-

¹⁾ Нѣкоторые лица, наблюдавшія шамановъ, предполагали, по своей простотѣ, со стороны шамановъ самую обыкновенную фальсификацію и мошенничество. Конечно, по детальному изученіи вопроса, мѣста для такихъ предположеній, катаніи сказать, значительно облегчающихъ задачу изслѣдователя, быть не можетъ.

²⁾ У тунгусовъ бродячихъ охотниковъ численно родъ обнимаетъ приблизительно около 100 человекъ, хотя возможно, конечно, увеличеніе рода и до нѣсколькихъ сотенъ, у манджуровъ родъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ; въ случаѣ сильнаго расширенія рода происходитъ дѣленіе его, — у тунгусовъ — охотниковъ просто образуется новый родъ, обычно съ новымъ названіемъ, а у манджуровъ родъ отдѣляется новую социальную единицу, которая является по всѣмъ своимъ признакамъ родомъ, та же организационная, которая выдѣлилась изъ себя эти новые рода уже теряетъ признаки рода и ее можно скорѣе разсматривать, какъ племя, объединяющее рядъ родовъ, имѣющихъ общаго предка.

падками со всеми типичными проявлениями истерии: судорогами, „мостом“ нечувствительностью, свѣтобоязнью и т. д. Иногда больных находят въ лѣсу забравшимися во время припадка на дерево или сидящими между скалами или въ пещерахъ. Больныхъ возвращаютъ насильно домой, слѣдятъ за ними, ухаживаютъ за ними, такъ какъ все знаютъ, что причиной заболѣванія могутъ быть духи умершаго шамана. Такихъ больныхъ одновременно бываетъ иногда нѣсколько человѣкъ. Никакое леченіе здѣсь не помогаетъ и только шаманъ можетъ опредѣлить истинную причину заболѣванія, да и то съ большимъ трудомъ. Леченіемъ же для такихъ больныхъ можетъ быть только опредѣленіе духовъ къ одному изъ больныхъ, что опять такъ дѣлается не шаманомъ, а самими духами.

Кто же изъ заболѣвшихъ и искомыхъ духами имѣетъ больше шансовъ сдѣлаться ихъ хозяиномъ? Въ этомъ отношеніи у нѣкоторыхъ народностей существуютъ опредѣленные правила; такъ напримѣръ, у забайкальскихъ тунгусовъ духи наследуются обычно отъ дѣда къ внуку, отъ мужчинъ къ мужчинамъ, а отъ женщинъ къ женщинамъ съ соблюденіемъ мужской филіаціи и съ сохраненіемъ женщиной духовъ своего рода. У манджуровъ же, гдѣ женщина пришедшая въ чужой родъ въ отношеніи духовъ становится полноправнымъ членомъ рода, наследованіе духовъ происходитъ безъ различія пола и стремится придерживаться прямой линіи, — отъ отца къ сыну и дочери, отъ матери къ сыну и дочери.

Сознаніе принципа наследованія влияетъ только до нѣкоторой степени, такъ какъ, помимо всего, у кандидата должны быть спеціальныя данныя для того, чтобы сдѣлаться шаманомъ.

Но случается, что, несмотря на наличие кандидатовъ (по принципу наследованія) и заболѣвшихъ описанной болѣзью, духи все-таки ни за однимъ изъ нихъ не останавливаются и болѣзнь начинается захватывать новыхъ членовъ рода, давая при этомъ новыя видоизмѣненія ея. Взрослые люди дѣлаются нервными и совершаютъ акты необъяснимой грубости, даже преступленія; начинается развиваться всеобщее раздраженіе, склонность къ истерическимъ припадкамъ; смертность отъ самого болѣзненного состоянія и несчастныхъ случаевъ увеличивается. Тогда нормальная жизнь рода приостанавливается и иногда можетъ грозить даже гибелью роду. Такое состояніе рода можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ. Измѣнено же оно можетъ быть лишь созданіемъ шамана и случается это въ болѣе простомъ случаѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Состояніе одного изъ больныхъ значительно ухудшается. Онъ почти ничего не ѣстъ, теряетъ сонъ, мраченъ и бездѣятеленъ. Обычно вечеромъ или ночью начинается сильный припадокъ. Больной, дрожа, какъ шаманъ, подпрыгиваетъ и скрежещетъ зубами. Тутъ же онъ начинаетъ и шаманить. Если имѣется подъ рукой бубень, то ему его суютъ въ руки и больной доводитъ себя до экстаза, когда сознаніе уже теряется, и духъ въ больного, наконецъ, вмѣщается. Иногда это происходитъ въ тайгѣ безъ свидѣтелей и помощи людей, гдѣ преимущественно вмѣщается въ шамана одинъ изъ духовъ тайги. Тамъ онъ шаманитъ иногда нѣсколько дней подрядъ и либо

его находятъ другіе люди и приводятъ домой, либо онъ самъ возвращается, либо же погибаетъ.

Послѣ перваго вмѣщенія духовъ кандидата въ шаманы оставляютъ въ покоѣ иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда даже на нѣсколько лѣтъ; онъ дѣлается болѣе спокойнымъ, но время отъ времени пытается камлать. По совѣщаніи рода и старыхъ шамановъ назначается день, когда новый шаманъ приноситъ первую жертву своимъ духамъ, что и знаменуетъ его признаніе родомъ.

Значительно усложняется дѣло въ томъ случаѣ, если одновременно существуетъ нѣсколько равноправныхъ кандидатовъ. Одинъ такой случай мнѣ извѣстенъ во всехъ деталяхъ и я имъ подѣлюсь.

Въ одномъ манджурскомъ родѣ лѣтъ 18 тому назадъ былъ казненъ шаманъ за политическое преступленіе. Онъ былъ единственнымъ шаманомъ рода, у наследовавшимъ духовъ отъ своей матери, которая въ свою очередь унаследовала ихъ отъ его бабушки (по отцу). Смерть шамана совпала съ военными событіями въ Сѣверной Манджуріи и почти все населеніе изъ прибрежныхъ селеній по Амуру перекочевало подъ гор. Цицикаръ. Все шаманскія принадлежности, кромѣ двухъ картинъ съ духами, погибли во время пожаровъ и когда родъ вернулся на старое поселеніе, вся его энергія ушла на возсозданіе разрушенныхъ жилищъ, имущества и хозяйства. У шамана было два сына; за старшаго, когда тому было 12—13 лѣтъ, онъ сосваталъ дѣвушку лѣтъ 20, которая вскорѣ послѣ свадьбы стала любовницей шамана и родила сына. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти шамана въ родѣ начались обычныя заболѣванія, которыя особенно сильно проявлялись на младшемъ сынѣ и на любовницѣ покойнаго шамана, женѣ старшаго сына, который покинулъ родительскій домъ и, получивъ нѣкоторое образованіе, сталъ чиновникомъ въ мѣстныхъ китайскихъ управленіяхъ. Въ родѣ образовалось два теченія, — одни считали нежелательнымъ, чтобы женщина стала родовымъ шаманомъ, а другіе видѣли въ ней большую силу, чѣмъ въ ея зятѣ и поддерживали ея кандидатуру. У женщины кандидата, избѣгавшей послѣ смерти отца мужа сношеній съ мужчинами, прекратились мѣсячныя кровотеченія, несмотря на то, что ей было только 36—37 лѣтъ и ея заболѣваніе начало принимать все болѣе и болѣе тяжелыя формы, — она пропала на нѣсколько дней въ тайгѣ, гдѣ находили ее застрѣвшей между сучьями деревьевъ, истерзанную и избитую. Это состояніе сопровождалось истерическими припадками, свѣтобоязнью, „мостомъ“, нечувствительностью къ уколамъ и т. д.

Второй кандидатъ былъ еще совсемъ юный, крѣпкій, но довольно нервный субъектъ лѣтъ 22. У него бывали таинственные сны, ночью онъ вскакивалъ и начиналъ шаманить безъ бубна. Работалъ онъ лѣтникомъ, былъ вообще апатиченъ.

У другихъ членовъ рода были также припадки, а главное то, что всѣхъ преслѣдовали неудачи въ дѣлахъ и личной жизни. Общее мнѣніе склонялось къ тому, что шаманъ нуженъ. Это было, очевидно, извѣстно и кандидатамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой неопредѣленности положенія рѣшено было созвать весь родъ, избрать жюри изъ трехъ лицъ и разрѣшить вопросъ, кому же изъ двухъ быть шаманомъ.

Приготовленія къ этому акту я опускаю и перейду непосредственно ко дню, когда этотъ вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ. Въ рѣшительный день въ кандидатку вмѣстился духъ шамана, ея бывшего любовника. По многимъ признакамъ можно было заключить, что половой моментъ здѣсь игралъ не послѣднюю роль, такъ какъ кандидатка во время припадка производила нѣкоторыя движенія, опредѣленно указывавшія на сильное половое возбужденіе. Припадокъ повторился еще разъ въ тотъ же день, но въ значительно болѣе слабой степени. Къ тому моменту, когда она должна была вмѣстить въ себя духовъ и заговорить, ихъ языкомъ она была уже совершенно разбитой и ослабленной.

Старый шаманъ, въ присутствіи 60—70 человекъ началъ ее подготавливать къ экстазу пѣніемъ и бубномъ. Долго не наступало возбужденіе. Наконецъ, она задрожала и начался припадокъ. Сначала думали, что это пришелъ духъ, но потомъ оказалось, что она ничего сказать не могла, плакала, подвигалась и дрожала, причемъ дрожь была незначительной. Нѣсколько разъ пытались довести ее до экстаза, но это не удавалось.

Одною изъ причинъ неудачи кандидатки несомнѣнно было нежеланіе большинства имѣть ее шаманомъ. Ей подсказывали сырой, мало-звучный бубень, смѣялись и т. д., что несомнѣнно ей мѣшало сосредоточиться. Тогда было рѣшено, что она духовъ не имѣетъ, но духи владѣютъ ею и поэтому шаманомъ она быть не можетъ.

Второй кандидатъ былъ бодрѣе и, хотя вначалѣ духи въ него и не хотѣли вмѣщаться и онъ путалъ названія духовъ и ихъ функціи, тѣмъ не менѣе на вторую и третью ночь онъ все болѣе и болѣе входилъ въ роль и, наконецъ, на четвертую ночь доказалъ передъ всѣми, что онъ духами владѣетъ вполне. Онъ въ теченіе многихъ часовъ дрожалъ, носился по фанзѣ, подпрыгивалъ, пѣлъ и билъ въ бубень, сказалъ сколько и какіе у него есть духи, вмѣстилъ поочередно ихъ въ себя и тогда духи потребовали себѣ жертвъ, а его объявили черезъ него самого своимъ избранникомъ. Волѣ духовъ подчинились люди и новый шаманъ былъ признанъ.

Изъ этого описанія можно видѣть, что, помимо личныхъ данныхъ, играетъ извѣстную роль и желаніе сородовичей видѣть шаманомъ то или иное лицо. Но, пожалуй, еще большую роль играетъ опредѣленіе того, не болѣзнь ли руководитъ кандидатомъ. Отъ послѣдняго, собственно, и зависитъ результатъ состязанія кандидатовъ. Вообще же, если бываетъ нѣсколько кандидатовъ и они успѣшно камлаютъ, то вопросъ можетъ быть отложенъ разрѣшеніемъ на будущее. Въ концѣ концовъ одинъ изъ кандидатовъ уступить и духи выберутъ себѣ хозяиномъ выдержавшаго испытаніе. Въ приведенныхъ случаяхъ родъ опредѣляетъ кандидата, но если шаманъ появляется самопроизвольно, то дѣло для рода упрощается, такъ какъ онъ стоитъ передъ совершившимся фактомъ.

Къ подобнымъ случаямъ относятся тѣ появленія новыхъ шамановъ, которыя бываютъ неожиданными для самого рода, а иногда и для самого кандидата. Вотъ одинъ изъ типичныхъ случаевъ. Уймынъ въ Манджуріи былъ человекъ лѣтъ сорока. Онъ пошелъ въ тайгу и тамъ заблудился. Сколько времени онъ пропугалъ, самъ онъ

не знаетъ, но однажды ночью, находясь среди скалъ, онъ чего-то испугался, потерялъ сознание и въ него вмѣстился *кадар бурканъ*, ставшій его главнымъ связнымъ. Онъ прошаманилъ нѣсколько дней на мѣстѣ, пришелъ въ нормальное состояніе и вернулся къ своему дому. Тамъ онъ рассказалъ, что съ нимъ случилось и собраніе рода, убѣдившись въ томъ, что онъ сталъ, дѣйствительно шаманомъ, признало за нимъ права. Сначала считали, что онъ имѣетъ только связновъ *дона*, но затѣмъ онъ принялъ родоныхъ духовъ и сталъ родовымъ шаманомъ. Упрощается дѣло и въ томъ случаѣ, если серьезныхъ кандидатовъ нѣтъ. Тогда волей-неволей приходится примириться съ тѣмъ единственнымъ, который имѣетъ права и склонность быть шаманомъ.

Обряды, знаменующіе собою выступленіе шамана на дѣятельность, нѣкоторыми этнографами совершенно неправильно называемые „посвященіемъ шамана“, отличаются значительнымъ разнообразіемъ.

Сущность ихъ сводится къ двумъ актамъ: 1) признанію родомъ на особомъ испытаніи за кандидатомъ правъ на шамана и 2) первое жертвоприношеніе духамъ шамана. Вся процедура продолжается не менѣе нѣсколькихъ дней, а обычно 5, 7, 9 дней, при чемъ эти два акта иногда раздѣляются временемъ въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Любопытно отмѣтить, что во второмъ актѣ самымъ важнымъ считается жертвоприношеніе *буга* или духу замѣняющему его. Жертвеннымъ животнымъ бываетъ, обычно, какое-нибудь большое животное: быкъ или большой олень. Этотъ актъ торжественности необходимъ для того, чтобы оповѣстить единого бога о важномъ событіи въ жизни рода. Особенная длительность этихъ актовъ происходитъ вслѣдствіе того, что каждому духу приходится придти особо, для того, чтобы его можно было „накормить“. Здѣсь одновременно у нѣкоторыхъ народностей происходитъ также учетъ того, сколько и какіе именно духи имѣются у даннаго шамана. Впослѣдствіи такое жертвоприношеніе повторяется или ежегодно (у манджуровъ) или разъ въ 3—4 года. Уймынъки обычно дѣлается особая бирка, на которой отмѣчается и въ первый и въ послѣдующіе разы сколько и какіе духи являлись. Бирка сохраняется самимъ шаманомъ вмѣстѣ съ костюмомъ и другими шаманскими принадлежностями.

У. Шаманъ и родъ.

Каковы же отношенія между шаманомъ и родомъ и въ чемъ выражаются отношенія шамана и отдѣльныхъ людей? Здѣсь мыѣ придется вернуться нѣсколько назадъ и напомнить то, что отчасти уже было сказано. Въ тунгусскія народности, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, живутъ родами. Родъ это замкнутая группа родственниковъ по мужской линіи, связанныхъ помимо сознанія единства происхожденія также и сознаніемъ общности родовыхъ духовъ. Въ члены рода связаны между собою помимо этого также и экономическими отношеніями, которыя заставляютъ родъ спаяваться еще крѣпче. Если одинъ изъ членовъ рода оказывается въ затруднительномъ положеніи, то остальные приходятъ ему на помощь, особенно въ случаяхъ имѣющихъ общеродовое значеніе, т. е. продолженіе само-

го рода, а следовательно брак и размножение, защита членовъ рода отъ вреднаго вліянія родовыхъ духовъ или чужеродныхъ (дова), подержаніе существованія слабыхъ членовъ рода и т. под. Все эти виды вмѣшательства рода въ жизнь отдѣльных членовъ могутъ уложиться въ одну общую формулу: родъ проявляетъ свою дѣятельность цѣляхъ защиты своего существованія. Этотъ біологическій инстинктъ въ у рода доминируетъ надъ всѣмъ. Въ этихъ случаяхъ отдѣльный индивидумъ оказывается подчиненнымъ общему стремленію, а весь родъ сознаетъ себя самодѣвающей біологической единицей¹⁾.

Какъ было сказано, сибирскія народности, а въ частности въ тунгусы и особенно бродячіе охотники, весьма склонны къ различнымъ психическимъ и нервнымъ заболѣваніямъ. Такія заболѣванія обычно локализируются, что достигается сознаниемъ опасности для рода массовыхъ заболѣваній. Это сознание является естественнымъ выраженіемъ біологическаго инстинкта рода. Дѣйствительно, отсутствіе такого сознанія слѣдствиемъ своимъ можетъ имѣть только гибель рода или захирѣніе, что иногда, между прочимъ, и наблюдается.

Какимъ же образомъ проявляются массовыя заболѣванія и какъ они локализируются? Массовыя галлюцинаціи зрѣнія и слуха слишкомъ извѣстное явленіе, чтобы о немъ спеціально говорить. Наблюдается оно и у тунгусовъ. Периодическія массовыя заболѣванія истеріей, крайне заразительный, какъ мы знаемъ, извѣстны также тунгусамъ. Массовое проявленіе подавленности воли у отдѣльных индивидумовъ, неуверенность въ себѣ и прочія невравствительскія явленія наблюдаются также у нихъ. Объясненіе этихъ явленій исчерпывающе дается теоріей духовъ. Допустимъ, что начались массовыя неудачи на охотѣ. Обычно, причины такихъ неудачъ, если не произошло уменьшенія количества животныхъ въ слѣдствіе миграціи или эмиграціи, — фактовъ всегда хорошо извѣстныхъ охотникамъ, — лежатъ въ ослабленіи бдительности, забывчивости и др. психологическихъ причинахъ заключающихся въ самомъ охотникѣ. Массовое явленіе неудачъ анимизмомъ можетъ быть объяснено только внѣшними причинами, лежащими внѣ индивидума. Такимъ объясненіемъ является обычно предположеніе о вмѣшательствѣ, и притомъ вредномъ, духовъ. Духи, добывая жертвъ или вниманія къ себѣ или быть можетъ просто мстя данному роду, мѣшаютъ людямъ упрямиться добычу²⁾ и массовыя неудачи промысла иногда грозятъ роду голодомъ и гибелью. Но воздѣйствіе на духовъ можетъ спасти родъ³⁾ и чѣмъ скорѣе произойдетъ

¹⁾ Подробное описаніе этихъ особенностей рода много будетъ сдѣлано въ особой работѣ, касающейся организаціи общества у тунгусовъ.

²⁾ Весьма сильно распространено предположеніе о томъ, что неудачныя охоты могутъ дѣйствіемъ иногда лишать охотника возможности убить животное. Хотя ружье и хорошо, но охотникъ не можетъ не промахнуться, и онъ всегда, дѣйствительно, промахивается, даже и тогда, когда у него нѣтъ иныхъ ресурсовъ для существованія.

³⁾ Массовыя нарушенія психической и нервной устойчивости наблюдаются въ цивилизованномъ обществѣ, конечно, точно также, особенно же въ періоды нарушенія обычнаго этнографическаго уклада жизни. Проявленія ихъ носятъ различныя наименованія, но борьба, какъ у тунгусовъ, ввиду отсутствія упрощеннаго родового устройства, съ ними не ведется, въ слѣдствіе чего приостановка нормальныхъ общественныхъ функций оказывается значительно болѣе продолжительной.

вмѣшательство рода въ это явленіе, тѣмъ скорѣе родъ избавится отъ угрожающей ему опасности.

Допустимъ теперь, что люди начинаютъ видѣть всюду непонятныя явленія, въ видѣ отступленій отъ нормы, какъ на примѣръ, движеніе деревьевъ съ мѣста на мѣсто, появленіе особыхъ существъ и т. д. Такое состояніе дѣлаетъ людей безпокойными и боязливыми, что иногда можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія, особенно въ слѣдствіе распространенной и заразной болѣзни эмпиреизма. Теорія духовъ и здѣсь помогаетъ. Анимисты говорятъ: духи чѣмъ-то недовольны, они чего-то хотятъ и поэтому проявляютъ свою активность. Достаточно удовлетворить духовъ и появленіе ихъ прекратится, а родъ избавится отъ опасности. Наконецъ, явленія массовой истеріи мы уже пришлось коснуться въ предыдущей части.

Все эти факты имѣютъ нѣчто общее, а именно возбудителемъ этихъ необычныхъ для установленнаго уклада жизни явленій являются духи. Въ слѣдствіе естественнаго тяготѣнія къ психической устойчивости и консерватизма, упорно поддерживаемаго всѣми народами, для объясненій этихъ явленій примѣняется теорія духовъ, которая позволяетъ тунгусамъ регулировать отклоненія отъ обычнаго психическаго равновѣсія, нарушеніе котораго ничего кромѣ страданій народу не приноситъ.

Но лишь только создана теорія духовъ, вліянія и особенности которыхъ достаточно изучены, тогда сами духи начинаютъ воздѣйствовать на психику и, быть можетъ, иногда¹⁾ служатъ источникомъ массовыхъ психическихъ и нервныхъ заболѣваній. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что въ настоящій моментъ опредѣлить, что является причиной и что слѣдствиемъ, — данное заболѣваніе есть слѣдствіе теоріи духовъ или теорія духовъ есть слѣдствіе, быть можетъ, неизбежныхъ заболѣваній, — не представляется возможнымъ.

Въ предыдущемъ уже было сказано, что количество духовъ, съ ростомъ знаній возрастаетъ. Если появляется какое-нибудь новое, раньше неизвѣстное явленіе или находится объясненіе равнѣе необъяснимому, то соответственно этому появляются и новые духи. Въ интересахъ рода оказывается знаніе *всѣхъ* духовъ и лица, интересующіяся этимъ и знающія отношенія духовъ и способы воздѣйствія на нихъ, являются необходимыми и цѣнными для рода. Такимъ образомъ родъ, оказывая моральную, а иногда и матеріальную помощь этимъ

¹⁾ Массовыя психическія и нервныя заболѣванія существуютъ въ большей или меньшей степени у всѣхъ племенъ и народовъ, во все время, безъ различія степеней культуры и цивилизаціи. Это отклоненіе отъ обычной нормы психической устойчивости, быть можетъ, какъ естественное слѣдствіе развитія психики народовъ, существуетъ какъ общее явленіе, характерное для всего человечества. Поэтому причиной массовыхъ заболѣваній (отклоненій) въ роуваніи въ духовъ, какъ таковое, быть не можетъ. Въ средніе вѣка въ Европѣ на почвѣ релігіознаго экстаза было немало аналогическихъ явленій, но нигдѣ ихъ никто тогда не почиталъ за массовую ненормальность. Появленіе массовыхъ психическихъ заболѣваній теперь на почвѣ искусства, общественныхъ отношеній и т. п. понято будетъ лишь въ слѣдствіи, какъ намъ понятны теперь массовыя заболѣванія средневѣковья. Но въ обоихъ случаяхъ за скобку выносятся массовое психическое заболѣваніе. Такимъ образомъ частные возбудители его въ томъ и другомъ случаѣ для отысканія основной причины заболѣванія значенія, кажется, не имѣютъ.

людям принимает на себя заботу по борьбе съ вредными дѣйствіями духовъ. Такъ наиримѣрь однимъ изъ способовъ воздѣйствія на духовъ, какъ было указано, являются періодическія жертвоприношенія, поэтому въ жертвоприношеніяхъ обычно участвуетъ весь родъ, даже въ томъ случаѣ, если организаторомъ и инициаторомъ его является отдѣльная семья. Этотъ актъ имѣетъ общеродовое значеніе. Такъ и всякое дѣйствіе, имѣющее вліяніе на духовъ, разсматривается, какъ имѣющее общеродовое значеніе и родъ беретъ его подъ свой контроль.

Если установленъ фактъ существованія духовъ и специально духовъ родовыхъ и установлено, что способомъ воздѣйствія на нихъ можетъ быть вмѣшательство духовъ въ шамана и черезъ посредство него направленіе ихъ дѣятельности въ желательную для рода сторону, то шаманъ и его дѣятельность становится вопросомъ общеродовой компетенціи и интереса. Поэтому все шаманство у тунгусовъ является функцией рода, а шаманъ однимъ изъ органовъ его.

Въ чемъ же заключаются функціи самого шамана?

Помощь шамана ищется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда люди, путемъ увѣщеваній и жертвоприношеній не могутъ устранить или ослабить вредное дѣйствіе духовъ, установить причину ихъ недомогательства и вредности и определить, какой именно духъ дѣйствуетъ. Шаманъ, установивъ духа и причины его вредности, долженъ устранить послѣднюю. Кромѣ того, въ предупрежденіе нежелательныхъ дѣйствій со стороны духовъ, шаманъ долженъ держать ихъ, такъ сказать, все время на учетѣ, при помощи подчиненныхъ ему духовъ предупреждать вредности дѣйствій остальныхъ и даже охранять отъ всѣхъ духовъ своихъ сородовичей. Наконецъ, шаманъ при помощи своихъ духовъ долженъ предвидѣть и предсказывать будущее, но самое, пожалуй, главное, это подчиненіе шаманамъ духовъ, остающихся безъ хозяина и причиняющихъ сородовичамъ его вредъ.

Такимъ образомъ, у тунгусовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ духами, шаманъ одновременно является родовымъ жрецомъ, волхвомъ, врачомъ и знахаремъ. Обязанности и дѣятельность его являются чисто общественными и чѣмъ шире развито познаніе о духахъ и чѣмъ слабѣ развито объясненіе явленій причинами лежащими внѣ дѣятельности духовъ, тѣмъ необходимѣе шаманъ. Частію эти многообразныя функціи исполняются и другими членами рода. Такъ наиримѣрь, у манджуровъ, какъ это было указано, существуютъ спеціальныя родовые жрецы. Иногда эти функціи несутъ и рядовыми членами рода. У народностей, живущихъ по близости къ ламаитамъ и китайцамъ, обязанности врача иногда исполняются ламами и китайскими докторами. Точно также у нѣкоторыхъ тунгусовъ бываютъ люди, знающіе заговоры и пользовавіе нѣкоторыми средствами. Чѣмъ шире развивается знаніе и знакомство съ другими народами, тѣмъ больше сокращаются функціи шамана, но нѣкоторые изъ нихъ сокращены быть, во всякомъ случаѣ въ ближайшее время, не могутъ, — а это именно, психическія заболѣванія и борьба съ духами, не покрывающимися новыми знаніями народа.

Допустимъ, что человѣкъ заболѣлъ психически, вслѣдствіе того, что какой-нибудь духъ испугалъ его и душа его покинула тѣло,

а вмѣсто нея вмѣстился испугавшій духъ или какой-нибудь другой. Въ такомъ случаѣ шаманъ изгоняетъ вмѣстившагося духа и возвращаетъ на свое мѣсто душу человека. Человѣкъ становится здоровымъ. Технически достигается это различными способами, но основное дѣйствіе заключается въ томъ, что вниманіе больного приковывается къ шаману и его воля подчиняется духамъ шамана. Если это возможно достигнуть, то больной, вѣря въ то, что онъ оказался вмѣстившимъ духа и лишивъ своей души, при вышанихъ знакахъ удаленія вмѣстившагося духа и возвращенія удѣленной души, начинаетъ считать себя здоровымъ и, дѣйствительно, выздоравливаетъ. Поэтому, между прочимъ, у шаманистовъ есть рядъ ритуаловъ наивно-безсмысленныхъ съ точки зрѣнія людей невѣрующихъ въ духовъ. Позволю себѣ привести аналогію: людямъ, лишеннымъ понятій морали, слова убѣжденія уважать личность другого и внѣшнія проявленія уваженія къ ней могутъ казаться и наивными и безсмысленными, но для людей, признающихъ понятія морали и слова убѣжденія и внѣшнія проявленія уваженія личности полны глубокаго смысла и вліянія, такъ какъ являются лишь частію цѣлой системы мышленія. По аналогіи: пролическое описаніе варварскихъ пріемовъ шамановъ столь же основательно, какъ и пролическое отношеніе нѣкоторыхъ людей къ моральнымъ нормамъ, которыми руководятся люди, признающіе эти нормы, такъ какъ это является простымъ противоположеніемъ однихъ этнографическихъ привычекъ и понятій другимъ и пролія является лишь выраженіемъ непониманія этого явленія и искренней привязанности къ своимъ собственнымъ обычаямъ и понятіямъ. Замѣчу здѣсь, что для шаманиста существенна не форма, а сущность, вкладываемая въ эту форму, т. е. вѣра въ эффективность дѣйствій шамана.

Примѣненіе гипнотизма въ современной медицинѣ, несмотря на сравнительную молодость этого метода леченія, получило достаточно широкое примѣненіе, даже при томъ условіи, что въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ вѣра въ медикаменты несомнѣнно господствуетъ¹⁾.

Въ своихъ гипнотическихъ пріемахъ врачу приходится приспосабливаться къ больному, учитывая его умственное и культурное состояніе. Шаману, если въ его способности вѣрить больной, этого дѣлать не приходится, но дѣйствуя по опредѣленнымъ правиламъ, онъ подчиняетъ волю больного своимъ духамъ, которымъ предоставляетъ дѣйствовать и является, такимъ образомъ, гипнотизеромъ-врачемъ *ритуальнымъ*.

¹⁾ Первое состояніе мнительности влечетъ за собою иногда всѣ внѣшнія проявленія дѣйствительнаго заболѣванія; по мнѣнію многихъ врачей, изъ числа ихъ психическая добрая половина вполнѣ здорова, но нуждается все-таки въ какомъ-то леченіи, такъ какъ считаетъ себя больной; отказывать въ леченіи такимъ больнымъ невозможно, такъ какъ это неминуемо должно вызвать обостреніе мнимой болѣзни. Нѣкоторые мнимо-больные иногда *желаютъ* быть больными и печатся всю жизнь, считая себя, дѣйствительно, больными. По словамъ врачей, люди къ нимъ обращаются въ самомъ началѣ дѣйствительныхъ болѣзней гораздо рѣже, чѣмъ съ мнимыми или совершенно запущенными болѣзнями. Любопытно, что наиримѣрь, первыя люди, изучающіе медицину, по мѣрѣ изученія различныхъ болѣзней успѣваютъ переболѣть чуть-ли не всѣми изученными ими болѣзнями.

Къ техническимъ приемамъ гипноза можно отнести ритмическую, утомляющее вниманіе больного, музыку и пѣніе шамана, ритмическое поколачиваніе больного колотушкой и др. Съ точки зрѣнія психологін, разница между врачомъ и шаманомъ заключается, конечно въ томъ, что шаманъ самъ вѣритъ въ то, что опредѣленный ритуаль требуется духомъ, а иногда и самъ онъ дѣйствуетъ совершенно безсознательно, повторяя то, что дѣлали другіе, ранѣе видѣнные имъ шаманы.

Можно думать, что въ случаяхъ инфекціонныхъ и конституціонныхъ заболѣваній элементъ внушенія бодрости больному и вѣры въ то, что содѣйствіе духовъ будетъ благотвѣтельно, до известной степени содѣйствуетъ болѣе благоприятному теченію болѣзни¹⁾.

При томъ условіи, что у тунгусскихъ народностей психическихъ и нервныхъ заболѣваній, едва ли не больше, чѣмъ у другихъ народовъ, можно считать, что функціи шамановъ въ отношеніи леченія этихъ болѣзней исключительно важны, даже съ точки зрѣнія европейской медицины, а съ точки зрѣнія самихъ тунгусовъ жизненно необходимы.

Выше я уже касался случая воздѣйствія шамановъ на духовъ, мѣшающихъ успешной охотѣ и т. п. Теперь допустимъ, что какой-нибудь духъ, желая отомстить чезовѣку или получить отъ него мзду въ видѣ почта или жертвы, началъ чинить препятствія ему въ дѣлѣ снисканія средствъ къ существованію. Такъ разсуждаетъ страдающій отъ дѣйствій духовъ чловѣкъ и самъ шаманъ. Вѣра въ злостныя дѣйствія духа настолько сильна, что чловѣкъ, не желая того, сознательно самъ избѣгаетъ и при томъ совершенно безсознательно успешнаго исхода своихъ начинаній. Если онъ идетъ на охоту, то онъ становится недостаточно внимательнымъ, не учитываетъ производимаго имъ шума, направленія вѣтра, наконецъ неправильно прицѣливается и т. д. Такое состояніе его будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ самъ, если умѣетъ, или шаманъ не разрушитъ вѣру его въ чинимыя духами препятствія. Поэтому участіе шамана въ регулированіи жизни духовъ и въ этомъ отношеніи необходимо. Шаманъ, держа духовъ на учетѣ, можетъ предупредить нежелательныя дѣйствія духовъ и это приноситъ людямъ необходимое для успешной работы спокойствіе. Поэтому также для общаго спокойствія необходимы различныя духи покровители благополучія рода и постоянныя воздѣйствія на нихъ со стороны шамана. Когда же безпокойное состояніе умовъ пріобрѣтаетъ массовый характеръ, тогда дѣятельность шамана для жизни и безопасности рода становится особенно необходимой.

Еще больше, наконецъ, значеніе шамана, какъ хранителя родовыхъ духовъ. При изложеніи путей, какими создается новый шаманъ я уже подходилъ къ этому вопросу. Допустимъ, что въ родѣ нѣтъ шамана, но духи, оставшіеся безъ хозяина бродятъ въ родѣ, порождая нервныя заболѣванія. Эти заболѣванія иногда принимаютъ такіе широкіе размѣры и настолько сильно поражаютъ людей, что жизнь членовъ рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего рода, дѣлается угрожаемой.

¹⁾ Дѣйствія шамана въ этомъ случаѣ замѣняютъ успокаивающія и усыпляющія средства европейской медицины.

Появленіе новаго шамана и принятіе имъ духовъ излѣчиваетъ остальныхъ возможныхъ кандидатовъ въ шаманы и въ родѣ наступаетъ мало по малу общее успокоеніе. Когда шаманъ уже созданъ, онъ начинаетъ успокаивающе дѣйствовать на слабыхъ членовъ рода, освобождая ихъ отъ вредоносныхъ дѣйствій духовъ, чѣмъ вносятся дальнѣйшее успокоеніе. Если же при существованіи шамана тѣ же заболѣванія снова возникаютъ и въ родѣ появляются припилье духи, то либо шаманъ ихъ забираетъ къ себѣ, либо изгоняетъ ихъ куда-нибудь подальше, сбывая ихъ иногда шаманамъ другого рода. Если шаманъ по неумѣнью или по нежеланію своему не въ состояніи справиться съ вновь появившимися духами, то обычно появляется новый шаманъ, который ихъ и беретъ къ себѣ. Тогда въ родѣ снова наступаетъ успокоеніе. Въ мѣстахъ же, гдѣ живутъ нѣсколько родовъ или нѣсколько народностей, — дауры, манджуры, китайцы, явынки, русскіе и т. д. — могутъ появляться духи, которыхъ забираетъ къ себѣ кто-нибудь изъ шамановъ безъ различія рода или народности. Изъ этого слѣдуетъ, что по отношенію къ роду (а иногда и населенію данной территоріи) шаманъ является предохранительнымъ клананомъ для психическихъ заболѣваній и если одного кланана недостаточно, то создаются второй и третій клананы. Эта сторона дѣятельности шамана имѣетъ значеніе, размѣры котораго громадны, но трудно поддается учету. При современномъ состояніи знаній среди тунгусскихъ народностей, отсутствіе шамановъ быть можетъ грозило бы этимъ народностямъ самыми тяжелыми послѣдствіями¹⁾.

Воздѣйствіе исключительно большого значенія шамановъ въ жизни рода, влияніе ихъ на отдѣльныхъ индивидуумовъ также велико. Прежде всего, шаманъ дѣйствуетъ не лично, но черезъ его посредство дѣйствуютъ духи, являющіеся выраженіемъ коллективной психологін; кромѣ того, опыты борьбы съ сильными духами всегда кончаются неудачей для чловѣка, доказательствъ чему у каждой народности существуетъ немало. Такимъ образомъ въ психикѣ каждого индивидуума заложено добровольное подчиненіе духамъ и шаману, когда въ него уже вмѣстился духъ. Распоряженіямъ духа подчиняются всѣ безпрекословно, стараясь лишь понять желанія духа въ возможно болѣе благоприятномъ и выгодномъ для себя смыслѣ, что, конечно, вполне понятно. Споры же и торги съ духами возможны на общемъ основаніи пониманія анимистами природы духа.

Когда духъ уже вмѣстился въ шамана, люди становятся сразу наэлектризованными его присутствіемъ. Они ловятъ каждое его слово, они подчиняются ему свою волю и создаютъ атмосферу напряженности и ожиданія чего-то необыкновеннаго. Эта психологія передаваясь отъ одного чловѣка къ другому, особенно усиливается, когда при камланіи бываетъ много народу. Понятно также, что многолюдіе дѣйствуетъ возбуждающе и на самого шамана, усиливая тѣмъ самымъ его влияніе на людей. Когда тѣсная связь между шаманомъ и

¹⁾ Созданіе предохранительныхъ кланановъ отъ массовыхъ психическихъ заболѣваній и отклоненій отъ установившагося психическаго равновѣсія, является естественной функціей всякаго общественнаго организма. Поэтому сама борьба съ появленіемъ такихъ кланановъ является проявленіемъ болѣзненнаго состоянія всего организма, утерявшаго инстинктъ самосохраненія и можетъ быть только вредной и усыпывающей это болѣзненное состояніе.

аудиторией установлена, тогда духъ овлаждаетъ всѣмъ,—что онъ желаетъ, что онъ чувствуетъ, то передается и аудиторіи. Поэтому неудивительно утверждение шаманистовъ, что сильные шаманы пребываютъ подвѣшенными въ воздухѣ въ теченіи продолжительнаго времени, вылетаютъ черезъ дымовое отверстіе юрты, расположенное иногда на высотѣ 3—4 метровъ и т. п. Извѣстны случаи, когда по указанію духовъ въ рукахъ у людей оказывались вещи, которыхъ они раньше не имѣли и оказались у нихъ въ рукахъ безъ участія и приближенія къ нимъ шамана. Вполнѣ повѣтны и массовыя галлюцинаціи во время камланія, а также проявленія функций подсознанія, такъ какъ сознаніе въ эти моменты бываетъ подавлено.

Каковы функции и энергія подсознательной дѣятельности и чувствъ человека въ моменты, когда подсознательная дѣятельность доминируетъ, это еще мало изучено и еще меньше изучено проявленіе ихъ на группахъ индивидуумовъ. Понятно, что внушенія и влияніе шамановъ на людей при этихъ условіяхъ должны достигать той исключительной силы¹⁾, когда люди становятся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шамана, который въ свою очередь является орудіемъ духа.

Насколько велико общественное значеніе шамана и влияніе его на людей, настолько обычно они несчастны въ своей личной жизни.

Начиная съ первыхъ моментовъ, когда будущій шаманъ еще бываетъ кандидатомъ, онъ уже испытываетъ страданія. Далеко не всегда этотъ періодъ оканчивается для него безрезультатно. Если во время не приняты мѣры, случается, что шаманъ остается на всю жизнь калѣкой, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ во время первыхъ посѣщеній духовъ. Въ послѣдующую жизнь, растрачивая много энергіи на камланіе, переутомляя себя свыше мѣры, находясь все время въ состояніи готовности принять духовъ, а слѣдовательно въ состояніи большого нервнаго напряженія, шаманы никогда не имѣютъ здороваго, беззаботнаго вида, но обычно истощены, худы, всегда задумчивы и сосредоточены.

Сложнѣйшая психическая жизнь этихъ людей, у которыхъ подсознательная жизнь развита свыше обычной мѣры, которые все время, даже во снѣ, находятся подъ влияніемъ духовъ и постоянно пользуются своимъ сномъ для сношеній съ другими шаманами и духами, накладываетъ на нихъ особый отпечатокъ. Тѣмъ не менѣе, они женятся и выходятъ замужъ, ставъ уже шаманами, работаютъ наравнѣ съ другими и въ частной жизни ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей, если не считать постоянной заботы о шаманскихъ принадлежностяхъ и вмѣстителяхъ для духовъ, которые должны быть все время подъ наблюдениемъ во избежаніе того, чтобы кто-нибудь не спугнулъ изъ нихъ духовъ. Несмотря на то, что никакого особаго содержанія отъ рода и никакой платы за камланіе отъ

1) Мы неоднократно приходилось слышать отъ русскихъ ескимовъ о техъ чудесахъ, которые свершаютъ шаманы. Любопытный случай былъ мнѣ разсказанъ о силѣ одной большой шаманки. Двое русскихъ рыбопромышленниковъ обманули шаманку въ томъ, что она ихъ обманываетъ. Для пеняганія она бросила въ рѣку золотую монету и просила шаманку достать ее. Шаманка послѣ продолжительнаго и труднаго камланія велѣла рыбопромышленнику показать зажатую въ кулакъ руку его и въ ней оказался золотой. Послѣ этого маловѣрные спорщики стали сильно ее бояться.

сородовичей они не получаютъ, тѣмъ не менѣе каждый моментъ ихъ могутъ потребовать къ исполненію долга и рѣдкій шаманъ, особенно если это шаманъ опытный умѣющій владѣть собою, откажется просителю. Онъ покорно собирается и ѣдетъ иногда за сотни верстъ, а иногда по собственному наитію отправляется туда, куда влекутъ его духи, бросая свои личные дѣла. Нѣкоторую плату шаманъ получаетъ только отъ чужеродныхъ людей, но и въ этомъ случаѣ плата выражается обычно одной-двумя бутылками алкогольных напитковъ, платкомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ этому. Не брать съ чужеродныхъ людей подарка шаманъ не можетъ по обычаю.

Между тѣмъ трудности, которыя окружаютъ шамана въ жизни, дѣйствительно, велики.

Будучи переобремененъ обязанностями и подавленъ духами, шаманъ не можетъ отдавать все свое время снисканію средствъ къ жизни и поэтому бѣднѣйшими людьми рода обычно бываютъ шаманы. Больше того, временами духи имъ воспрепятствуютъ охоту, рыбную ловлю и т. д., что ставитъ ихъ тогда въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Отношеніе къ шаману со стороны окружающихъ боязливое. Шаманы другъ съ другомъ ведутъ борьбу. Со стороны духовъ ихъ жизнь постоянно подвергается опасности и наконецъ, въ настоящее время ихъ преследуютъ почти повсемѣстно органы государственной власти.

Вслѣдствіе того, что шаманъ является хозяиномъ родовыхъ духовъ, отношеніе которыхъ къ членамъ другихъ родовъ не всегда благожелательно, обычно люди къ шаманамъ относятся, особенно чужероднымъ, крайне осторожно. Говорятъ, что если шаманъ человекъ добрый и хорошій, то онъ не злоупотребитъ въ личныхъ цѣляхъ своей властью надъ духами, но если шаманъ плохой человекъ, то онъ можетъ причинить людямъ много зла и въ такомъ случаѣ личнаго расположенія его ницуть всѣ безъ исключенія. Кромѣ злой и доброй воли шамана приходится учитывать также и то, что сами духи иногда проявляютъ дѣятельность по своему почину, внѣ желаній шамана. Поэтому уже само присутствіе шамана съ чужеродными духами всѣмъ внушаетъ большое безпокойство. Достаточно духу безъ вѣдома шамана что-либо предпринять, какъ появляются болѣзны, домашнія животныя гибнутъ и т. д. Слѣдуетъ въ вышесказанное селеніе на берегу Амура прѣхалъ шаманъ дауръ. Самъ же шаманилъ, боясь китайскихъ властей, но тѣмъ не менѣе духи начали свою работу. Въ селеніи начался падежъ рогатаго скота, лошадей, свиней и т. д., среди людей появились болѣзни и другія несчастія. На собраніи жителей было рѣшено просить властей объ удаленіи шамана изъ селенія. Когда китайскія власти, ссылаясь на то, что шаманъ не проявляетъ видимой дѣятельности, отказались его выселить, жители селенія рѣшили прибѣгнуть къ помощи сванхъ шамановъ. Послѣ упорной борьбы дѣло, наконецъ, кончилось тѣмъ, что было рѣшено сдѣлать жертвоприношеніе духамъ шамана—даура.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, люди, вообще говоря, шамановъ не долюбиваютъ и стараются отъ нихъ держаться подалѣе. Поэтому рѣдко случается, что шаманъ живетъ совершенно изолированно,

что, конечно, въ сильной степени лишаетъ его жизнь предести постоянного общенія съ людьми.

Еще опаснѣе дѣлается его жизнь, когда онъ начинаетъ войны съ другими шаманами. Поводовъ къ этому можетъ быть много. Особенно же часто начинаются войны¹⁾, вслѣдствіе того, что одинъ шаманъ конкурируетъ съ другими въ леченіи больного. Иногда же причиною войны является плохой характеръ шамана, стремленіе достигнуть уничтоженія другихъ по соображеніямъ тщеславія и т. п. Для борьбы шаманъ посылаетъ своихъ духовъ на *дороги* духовъ другихъ шамановъ и тамъ они перехватываютъ духовъ противника, вмѣщаются въ людей и вещи, къ которымъ доходятъ по этимъ *дорогамъ* и т. п. Такимъ образомъ духи одного шамана могутъ проникнуть въ родъ (въ семью) другого шамана и тамъ остаться съ злостными цѣлями. Иногда же такіе духи ножираютъ жертвы для нихъ не приготовленныя. Чтобы скрыться отъ шамана, противникъ его посылаетъ своихъ духовъ подъ видомъ самыхъ незамѣтныхъ животныхъ, которые наблюдаютъ за образомъ жизни шамана и доносятъ своему хозяину. Для уничтоженія врага шаманы посылаютъ духовъ въ видѣ медвѣдей, тигровъ и другихъ опасныхъ животныхъ.

Войны между шаманами не всегда кончаются смертью противника. Такъ, однажды одинъ шаманъ кумарскихъ ѡвынки (въ Сѣв. Манджуріи) при помощи своихъ духовъ согнулъ шею шаману амурскихъ ѡвынки и тотъ остался калѣкой на всю жизнь. Но иногда шаманскія войны кончаются почти полнымъ истребленіемъ всѣхъ шамановъ и, даже болѣе того, всѣхъ близкихъ сородовичей этихъ шамановъ. Иногда же борьба шамана направлена противъ домашнихъ животныхъ другого шамана и онъ не остановится, пока не уничтожитъ всѣхъ животныхъ. Не всегда шаману удается владѣть духами. Достаточно шаману только начать войну, а духи ее продолжаютъ уже сами и борьба идетъ внѣ воли шамана. Любовь къ войнамъ шамановъ и тяжкія послѣдствія, происходящія отъ этого, нѣкоторыхъ людей патаккиваютъ на мысль вообще отказаться временно отъ шамановъ, чтобы воинственные шаманы вывелись совершенно. Въ одномъ изъ родовъ манджурскихъ ѡвынки послѣ большого зла, причиненнаго однимъ шаманомъ другимъ шаманамъ и людямъ, собрались вмѣстѣ четыре шамана и рѣшили его уничтожить. Они подослали противъ него духа въ видѣ медвѣдя, который на шамана внезапно бросился. Шаманъ успѣлъ скрыться въ свое жилище, но тутъ онъ былъ невидимо пораженъ духами и, умирая, успѣлъ сказать, что и остальные шаманы пойдутъ за нимъ. Всѣ четверо вскорѣ послѣ этого умерли отъ различныхъ причинъ и этотъ родъ нѣкоторое время оставался безъ шамановъ, пока болѣзнь отъ освободившихся духовъ не заставила снова обратиться къ тому, чтобы создать новаго шамана.

Опасность для шамана со стороны его собственныхъ духовъ также велика. Если шаманъ не угождаетъ имъ, то они его оставляютъ на произволъ другихъ духовъ. Былъ слѣдующій случай у тѣхъ же тунгусовъ. Однажды шаманъ былъ долгое время преслѣдуемъ какими-

¹⁾ Ѥвынки Сѣверной Манджуріи узнаютъ воюющихъ шамановъ по ихъ стремленію прикрывать локтемъ входное отверстіе для духовъ въ костюмъ, расположенное сбоку, немного выше талии.

то духовъ. Обращеніе къ духамъ подчиненнымъ ему окончилось неудачей. Тогда шаманъ рѣшился принять энергичныя мѣры: сдѣлать небольшое изображеніе, вмѣстилъ туда вредившаго ему духа (какой, именно, былъ духъ ему эго не было извѣстно) и нанесъ ему рядъ ударовъ ножомъ. Возвращаясь домой и подходя къ своему жилищу, онъ внезапно пришелъ въ состояніе возбужденія и тѣмъ же самымъ ножомъ нанесъ рядъ смертельныхъ ранъ самому себѣ, послѣ чего умеръ. Оказалось, что его собственный духъ, желая освободиться отъ неугоднаго ему хозяина, вызвалъ шамана на расправу сначала съ нимъ съ собой вмѣщеннымъ, въ изображеніе, вмѣстился затѣмъ въ шамана и тотъ повторилъ ту же операцію, но уже надъ своимъ собственнымъ тѣломъ. Еще чаще бываютъ случаи, когда духи мѣшаютъ шаману въ промыслѣ, отводятъ отъ него звѣря, пугая его и такимъ способомъ предупреждая объ опасности со стороны нелюбимаго имъ шамана. Мстительность духовъ велика и шаманъ отъ нея не гарантированъ.

Къ указаннымъ трудностямъ въ жизни шамана прибавляется борьба съ шаманствомъ и шаманами, которую ведетъ какъ русское, такъ и китайское правительства и которая ставитъ шамана и въ худшее по сравненію съ другими людьми правовое положеніе. Въ XVII вѣкѣ въ началѣ появленія русскихъ въ Забайкальѣ тамъ даже сожигали на костре шамановъ, какъ еретиковъ. Вслѣдствіе такихъ суровыхъ мѣръ борьбы были оставлены, но сожженіе костюмовъ и шаманскихъ принадлежностей практиковалось и въ концѣ прошлаго столѣтія, а шаманы, принявшіе христіанство, наказывались по закону. Въ Китаѣ во времена манджурской династіи, когда при императорѣ существовалъ цѣлый шаманскій приказъ, положеніе шамановъ было вполне сносно. Теперь же, когда китайцы искореняютъ національный духъ манджуровъ со всею жестокостью, на которую они способны, въ мѣстностяхъ, гдѣ есть представители китайскихъ властей, положеніе шамановъ стало весьма тяжелымъ. Власти предпринимаетъ періодически походы противъ шамановъ. Ихъ арестовываютъ, заключаютъ въ тюрьмы, наказываютъ тѣлесно и тщательно уничтожаютъ шаманскіе костюмы и принадлежности. Въ Манджуріи шаманство сдѣлалось тайнымъ и для манджуровъ служить несомнѣнно однимъ изъ способовъ поддержанія національнаго манджурскаго духа. Борьба путемъ преслѣдованія личности шамана и людей, вѣрящихъ въ шамана, едва ли можетъ быть успѣшна, если взаимѣ шаманства ничего не дается. Причины, породившія шаманство, такими способами борьбы не устраняются, но отсутствіе и стѣсненіе дѣятельности шамановъ приводитъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя бываютъ въ періоды отсутствія шамановъ въ родѣ. Родъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся народность, лишается того предохранительнаго клапана, который предупреждаетъ массовыя заболѣванія и такимъ образомъ подготавливается почва для безпрепятственнаго развитія ихъ. Насколько это рационально съ точки зрѣнія государственной, можно рѣшить лишь путемъ сравненія историческихъ заболѣваній до начала борьбы съ шаманствомъ и послѣ. На территоріи Россіи эта борьба ведется менѣе интенсивно, но и то свѣдѣтельство всѣхъ тунгусовъ совпадаютъ съ утвержденіемъ тунгусовъ, проживающихъ въ Манджуріи, что во времена, когда шаманы

отправляли свои функции безпреткновенно, заболѣвавшій отъ духовъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Можно только рѣшительно утверждать, что, не давъ ничего взамѣнъ стройной теоріи духовъ, невозможно выгравить изъ сознанія народа признаніе необходимости и желательности имѣть шамановъ и ослабленіе преслѣдованія и постоянного наблюденія неминуемо должно привести къ возстановленію шамановъ.

Прежде чѣмъ перейти къ заключительной части, я считаю не безинтереснымъ остановиться на вопросѣ о путяхъ дальнѣйшаго развитія шаманства и тѣхъ перспективахъ, которыя, вѣроятно, ожидаютъ его.

Мнѣ приходилось неоднократно указывать на то, что шаманизмъ мирится съ любой религіей, приспособляясь къ ней и пополняя системы духовъ новыми знаніями. Манджурскіе ывынки безпреткновенно приняли нѣкоторыя китайскія теоріи, касающіяся духовъ и ихъ функций. Въмѣстѣ съ этимъ проникли и нѣкоторые нинѣ неизвѣстные шаманистамъ приемы борьбы съ этими духами. Большое значеніе въ измѣненіи взглядовъ на нѣкоторыя явленія, раньше объяснявшіяся дѣятельностью духовъ, имѣло также проникновеніе медицинскихъ знаній, въ принципѣ признаваемыхъ шаманизмомъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, область шаманства должна значительно сократиться. Едва ли меньшую роль въ этомъ процессѣ играютъ также причины чисто психологическаго свойства. Безпокойство, причиняемое духами непосредственно и черезъ шамановъ, а также самими шаманами, какъ указывалось, приводитъ нѣкоторыхъ людей къ идеѣ полного отказа отъ шамановъ. У манджурскихъ ызыки по отношенію къ большинству буркановъ упогребляется теперь личное обращеніе и жертвоприношеніе, замѣняющее обращеніе черезъ посредство шаманскихъ духовъ. Достаточно достигнуть благопріятнаго результата нѣсколько разъ, какъ потребность въ шаманѣ начинаетъ ослабѣвать. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ тѣ же ывынки въ нѣкоторыхъ родахъ не имѣли шамановъ по нѣскольку лѣтъ подрядъ и возвращались къ шаманству лишь по возобновленіи психическихъ и нервныхъ заболѣваній, количество которыхъ неминуемо должно было также сократиться, вслѣдствіе появленія специалистовъ, знающихъ молитвы и жертвоприношенія. Изъ этихъ специалистовъ могутъ выработаться впоследствии профессионалы жрецы.

Какъ весьма интересную причину постепеннаго угасанія шаманства, которое наблюдается у манджуровъ, можно указать чрезмѣрное развитіе и обособленіе ритуала. Манджуры, подобно другимъ азіатскимъ народамъ, благоговѣя передъ письменностью, стремятся поддерживать возможно ближе къ произведеннымъ уже давно записямъ. Лишь только ритуальн начали записывать, у нихъ, какъ любителей письменности, появилось желаніе зафиксировать и обращенія и списки духовъ. У каждаго рода въ итогѣ получились сравнительно большія записи по ритуалу, молитвословію и систематикѣ духовъ. Записи эти тщательно прихоты отъ чужеродныхъ и, пополняясь данными о новыхъ духахъ, растутъ въ каждомъ родѣ самостоятельно. Но, несмотря на секретность этихъ записей, кое-что изъ нихъ дѣлается извѣстнымъ и другимъ родамъ, которые, пользуясь новыми

данными, пополняютъ свои собственныя записи. Такимъ образомъ, записи растутъ, но сама вѣличность ихъ и стремленіе соблюдать «древнія правила» дѣлаютъ выполненіе ритуала почти невозможнымъ. На этой почвѣ рождаются споры, разрѣшаемые уже всѣмъ родомъ, и естественное недовольство всѣхъ противорѣчіями, возникающими изъ наличія древнихъ записей и нововведеній. У народностей неимѣющихъ письменности, какъ было сказано, происходитъ постепенная замѣна однихъ духовъ другими и однихъ ритуальныхъ приемовъ другими незамѣтно, подчинясь естественной ограниченности памяти людей. У манджуровъ же наблюдается ненормальное развитіе шаманизма, такъ какъ все старое сохраняется, несмотря на свою несовременность ввиду роста общихъ познаній, и пополняется новыми элементами, которые входятъ въ неизбежный конфликтъ со старинными обычаями и понятіями. Въмѣстѣ же съ этимъ естественное почтительное уваженіе къ *древнему* заставляетъ ихъ держаться старинныхъ обычаевъ, отсутствіе пониманія которыхъ, опять-таки, вслѣдствіе ихъ архаичности, весь шаманскій ритуаль сводитъ къ формальному выполненію буквы закона древнихъ людей. Необходимость знанія записей и выполненія зафиксированнаго въ нихъ стараго ритуала превращаетъ шаманство изъ живой, подвижной системы въ сухой формализмъ, оставляющій мѣсто для сравненія и критики. Критика же въ вѣрованіяхъ это тотъ трупный ядъ, который теперь разлагаетъ не только одно шаманство. Такимъ образомъ, письменность манджуровъ привела къ формализму ихъ шаманство, ослабила эмоциональную сторону его и приостановила естественное приспособленіе шаманства къ новымъ знаніямъ. Поэтому манджуры сами признаютъ, что у нихъ нѣтъ такихъ «сильныхъ шамановъ», какъ у «дикихъ ывынки».

Правда, у другихъ народностей удерживаются архаическіе ритуальныя дѣйствія, слова и т. д., но въ этомъ случаѣ они сохраняются по *безсознательному желанію и признанію* людей, подвергаясь, вѣроятно, нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ, дѣлающимъ данный актъ болѣе понятнымъ. Возможно также, что сохраненіе отдѣльныхъ древнихъ ритуальныхъ дѣйствій можетъ происходить также и по причинамъ ихъ эстетичности, таинственной символичности и др. частнымъ причинамъ, но сохраненіе всего древняго ритуала цѣлкомъ лишаетъ все шаманское дѣйствіе понятнаго смысла дѣйствій; и далѣе, такъ какъ занятіе утонченнымъ эстетизмомъ и мистицизмомъ, основанными на таинственной архаичности ритуала для людей мало развитыхъ недоступно, то весь древній ритуальн цѣлкомъ не можетъ сохраниться среди народностей, а особенно такихъ, которыя ищутъ прежде всего полезнаго и понятнаго дѣйствія со стороны духовъ и шамановъ.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Чтобы закончить настоящий „Опыт“, я дамъ главнѣйшія положенія, которыя вытекаютъ изъ изложенія.

1) Анимистическая теорія, которая лежитъ въ основѣ признанія специально шаманскихъ духовъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ той средою въ которой только и можетъ существовать шаманство. На анимистическія теоріи нельзя смотрѣть какъ на изжившія себя у народовъ европейской культуры, гдѣ эти теоріи въ зависимости отъ приобрѣтенныхъ новыхъ данныхъ опыта претерпѣваютъ измѣненія, но въ существѣ своемъ онѣ не отличаются отъ анимизма примитивныхъ народовъ. Анимистическое мышленіе, такимъ образомъ, по настоящій день является господствующимъ среди народовъ всего міра, включая сюда самые высшіе слои цивилизованныхъ народовъ европейской культуры, на тунгусской же почвѣ анимизмъ является первичнымъ условиемъ для появленія и развитія шаманства.

2) Основнымъ признакомъ шаманства является признаніе за некоторыми людьми способности влѣцать въ себя духовъ по своему желанію и усмотрѣнно и познавать явленія особымъ таинственнымъ путемъ при посредствѣ знаній и особымъ способностямъ влѣценныхъ духовъ. Этотъ признакъ шаманства не свойствененъ только одному шаманству, но также и другимъ способамъ общенія съ духами, признающимъ влѣщеніе духовъ и возможность познания черезъ нихъ особымъ, таинственнымъ путемъ. Признакомъ отличающимъ его отъ указанныхъ другихъ способовъ общенія являются установленные ритуалъ, костюмъ и особое социальное положеніе шамановъ. Нѣкоторые изъ указанныхъ признаковъ усваиваются и другими системами, комплексъ же ихъ, т. е. признаніе влѣцающихся, но подчиняющихся духовъ, установленіе ритуала, костюма и усвоеніе особаго социальнаго положенія шаманами и составляетъ шаманство.

3) Во время камланія шаманъ стремится привести себя въ состояніе экстаза, чтобы роль своего сознанія по возможности свести на нѣтъ. Въ это время его мышленіе, освободившись отъ привычной послѣдовательности логическихъ моментовъ, подчиняется особой послѣдовательности, которая открываетъ ему возможность познания внѣ рамокъ, привычныхъ для данной этнографической среды. Вмѣстѣ съ этимъ шаманомъ приобрѣтается рядъ новыхъ возможностей сознательнаго и бессознательнаго воздѣйствія на людей, пути которыхъ еще не изучены, но многія явленія не могутъ быть уложены въ рамки обычнаго гипноза. Чѣмъ выше степень способности шамана подавлять свое сознаніе, тѣмъ „сильнѣе“ бываетъ шаманъ и тѣмъ шире и глубже можетъ быть его вліяніе на людей. Итакъ, во время камланія сознаніе шамана подавлено, но повышены вліяніе на другихъ людей и способность познания путями, выходящими за предѣлы способовъ мышленія привычныхъ для данной этнографической среды.

4) Шаманамъ извѣстны приемы, укладывающіеся въ шаманскій ритуалъ, которыми они доводятъ себя до экстаза и произвольно поддерживаютъ это состояніе. Шаманъ, обладая особой повышенной нервной чувствительностью и способностью владѣть своимъ тѣломъ въ

полненія своихъ функцій долженъ быть физически, нервно и психически здоровымъ человекомъ, такъ какъ физическая немощь не позволитъ ему владѣть собою по своему желанію, а нервное и психическое заболѣваніе въ рѣшительный моментъ можетъ воспрепятствовать поддержать состояніе экстаза и все камланіе превратить въ обыкновенный нервный припадокъ. Итакъ, шаманамъ извѣстно искусство приведенія себя въ экстазъ, поддержанію котораго болѣзненное состояніе шамана препятствуетъ.

5) Нервные и психическія заболѣванія въ родѣ, которыя наблюдаются среди тунгусскихъ народностей въ весьма широкомъ масштабѣ, въ зависимости отъ момента подвержены усиленію и расширенію внутри рода. При особо интенсивномъ развитіи заболѣваній нормальная жизнь рода прекращается, что пагубно отзывается на его существованіи, — пониженныя питаніе и рождаемость, усиленная смертность и др. явленія являются слѣдствіемъ этого. Локализациа заболѣваній внутри данной народности достигается путемъ усвоенія убѣжденія, что распространеніе этихъ заболѣваній ограничивается преимущественно родомъ. Въ родѣ же заболѣванія прекращаются одновременно съ влѣщеніемъ духовъ въ одного человека и подчиненіемъ ему ихъ. Такимъ образомъ шаманъ является, такъ сказать, предохранительнымъ клапаномъ отъ психическихъ заболѣваній. Шаманство у тунгусовъ кардинально связано съ психическими заболѣваніями. Быть можетъ, основною причиною своего существованія оно имѣетъ стремленіе народности освободить себя отъ распространенія вредныхъ съ біологической точки зрѣнія психическихъ и нервныхъ заболѣваній, т. е. шаманство въ качествѣ предохранителя является способомъ самозащиты и проявленіемъ біологическихъ функцій рода.

6) Шаманъ, въ качествѣ охранителя рода, несетъ на себѣ чисто родовыя функціи, что создаетъ условія для развитія личнаго вліянія шамана. Обладая знаніемъ приемовъ гипноза и другихъ, быть можетъ, еще болѣе сильныхъ, способовъ воздѣйствія, шаманъ приобрѣтаетъ личное вліяніе на людей. Вліяніе шамана бываетъ особенно интенсивно въ присутствіи большого количества людей, каковое явленіе подчиняется общимъ законамъ психологій толпы со всѣми его послѣдствіями для возбудителя толпы, т. е. самаго шамана. Такимъ образомъ шаманъ, вслѣдствіе указанныхъ условій, обладаетъ исключительно высокимъ личнымъ вліяніемъ на людей.

7) Подъ вліяніемъ нервного ослабленія или заболѣванія шаманъ самъ можетъ сдѣлаться орудіемъ своихъ духовъ. Тогда его воздѣйствіе на нихъ ослабѣваетъ и онъ теряетъ свое значеніе въ качествѣ врачевателя и охранителя рода, такъ какъ духи, не подчиняясь шаману, начинаютъ приносить безпокойство или даже вредъ людямъ. Въ этомъ случаѣ шаманъ либо отказывается фактически отъ своихъ обязанностей и въ постоянно тяжеломъ психическомъ состояніи упорно ведетъ борьбу съ угнетающими его духами, либо онъ совершенно погибаетъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ передаетъ свои функціи другимъ шаманамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи по отношенію остальныхъ людей рода на особомъ положеніи и вызывая къ себѣ

жизни испытываетъ чрезвычайныя осложненія, которыя дѣлаютъ ее родомъ подвижничества.

8) Шаманство у тунгусовъ, имѣя сферою воздѣйствія своего преимущественно психическія и нервныя заболѣванія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не является религіей въ обычномъ смыслѣ этого слова. Оно мирится съ любой религіозной системой, его возможно примирить съ любой системой знаній и съ любымъ анимистическимъ міросозерцаніемъ. Шаманство лежитъ въ совершенно иной плоскости и для возможности существованія его необходимо только признаніе возможности со стороны шамана воздѣйствія на людей особыми, для людей таинственными и непонятными путями. Цѣлью такого воздѣйствія является регулированіе психической сферы людей, имѣющей громаднѣйшее біологическое значеніе. Въ цивилизованномъ обществѣ функціи шамана покрываются только частично и разными способами, регулирующаго же аппарата замѣняющаго шамана и специальныхъ людей для этого не имѣется. *Ученіе о духахъ и отношеніяхъ ихъ къ людямъ и т. д. является лишь формою, въ которую укладываются въ сознаніи шаманиста явленія психической и психопатологической жизни народовъ, а шаманы и шаманство являются органами и системой, регулирующими эти явленія и играющими въ области психической жизни народовъ преимущественно санитарно-предохранительную роль.*

Е. Н. Широкогорова.

Сѣверо-Западная Манджурія.

(Географическій очеркъ по даннымъ маршрутныхъ наблюденій).